

лишь на бумаге. Задолго до наступления противник своими предшествующими атаками путем аэрофотосъемок и из прочих разведывательных данных составил себе полную картину системы германских оборонительных сооружений.

«Передовая сеть германских позиций состояла из наспех вырытых окопов и нескольких ходов сообщения; сильных опорных пунктов не было. Позади находились лишь наши старые «амьенские оборонительные укрепления» периода 1915 и 1916 г.... Далее на восток до самой Соммы не было вовсе никакой упорядоченной системы оборонительных позиций. Было совершенно ясно, что противник упустил возможность путем дальнейшего рытья окопов укрепить свои позиции»¹.

Напрасно стали бы искать в истории позиционной войны на Западном фронте примера, где противник хотя бы приблизительно находился в таких неблагоприятных условиях перед большим сражением, как 2-я армия перед 8 августа. Пожалуй в первую очередь можно было бы взять положение англо-французов у Шмен-де-Дам перед 27 мая 1918 г., потому что и здесь на фронте и позади него находились лишь слабые и частично изнуренные в боях части, и здесь подготовка германцев к наступлению по крайней мере до последних дней сохранилась в тайне. Однако насколько сильнее были подлежащие атаке позиции! Здесь протекали р. Элетт и канал, соединявший реки Уазу и Эн, представлявшие собой естественные препятствия перед крутыми, густо поросшими лесом скалами горного хребта, здесь была отличная сеть позиций, сильно укрепленных проволокой от р. Элетт до южного берега р. Эн. Обороняющийся повсюду имел хорошие укрытия от огня, какими являлись большие пещеры. Германцы почти нигде не располагали танками для прорыва. Однако благодаря предательству французские резервные дивизии уже ночью были выдвинуты на угрожаемые участки фронта, как только германские ударные дивизии стали занимать свои исходные позиции для атаки. И несмотря на это германская атака в первый день повсюду имела успех, германцам удалось продвинуться вперед на широком фронте и нанести главной массе англо-французских войск такое поражение, что им не удалось прочно остановиться ни на р. Эн, ни на р. Вель.

Тогда судьба в высшей степени благоприятствовала германскому оружию. Теперь она встала перед ним угрожающе и неумолимо.

IV. 6 И 7 АВГУСТА СЕВЕРНЕЕ СОММЫ. НОЧЬ НА 8 АВГУСТА

Карта 2

Незадолго до «черного дня» 2-й армии еще раз суждено было добиться успеха. Как выше уже было сказано, истощенные части 107-й пехдивизии и северного фланга 43-й рез. дивизии 29 июля потеряли боевое охранение перед своими позициями на участке к западу от Морланкур до 1 км севернее Селли-Лорет. Так как вследствие отсутствия достаточных сил произвести немедленную контратаку тогда было не-

¹ Монгомери, стр. 15 и 16.

возможно, стали ожидать подхода свежей 27-й вюртембергской пехдивизии, и последняя, сменив 107-ю дивизию, получила задачу обратно овладеть потерянными позициями, потому что

«обратное овладение позициями, которые были 29 июля захвачены англичанами, вследствие того что они дают наблюдение для управления боем также и южнее Соммы, имеет первостепенное значение. Противник будет пытаться развить достигнутый там успех, если ему не будет оказано серьезное противодействие. Поэтому контратака является необходимой» (оценка обстановки 1-й армией 3 августа).

Утром 6 августа вюртембержцы повели наступление со свойственной им энергией также и на правом участке 43-й рез. дивизии, захватили на всем фронте наступления ранее сданную противнику территорию и даже местами продвинулись гораздо далее поставленных им целей. Было захвачено в плен 5 офицеров и 231 солдат 18-й и 58-й английских дивизий. Ни один из пленных ни одним словом не обмолвился о готовящемся наступлении. Однако необходимо было считаться, что противник по крайней мере попытается как можно скорее снова овладеть оставленной территорией. Ночь на 7 августа германские полки использовали для энергичных работ по укреплению своих новых позиций, на которых днем, так как они просматривались противником, всякое движение было невозможно. Сплошные окопы естественно в первое время удалось создать лишь на отдельных участках; на остальных участках в основном работы свелись к соединению воронок и отдельных ям. Препятствий и ходов сообщения вовсе не было. Больших трудов стоило командирам батальонов первой линии установить между собой взаимодействие по удержанию линии главного сопротивления, повсюду организовать прочную связь и озаботиться о целесообразной и плановой системе расположения ударных резервов, частей, обеспечивающих стыки, минометов и пулеметов. Слабость позиций к сожалению очень часто приводила к вполне понятному, но для отражения большого наступления непригодному скоплению пехоты в передовой боевой зоне, так что для сохранения резервов уже не хватало необходимых сил. Это имело место не только на отдельных участках 27-й пехдивизии, но в особенности на участке 265-го рез. пехполка (108-й пехдивизии), который вечером 6 августа занял первый полковой участок 43-й рез. дивизии. На этом участке 7 рот лежали на передней линии, 3 роты как ударные резервы командиров батальонов — в 400 м позади и лишь 2 роты были оттянуты на достаточную глубину как резерв и расположены западнее северного угла леса Малард. Поскольку правда, сильная артиллерия¹, примененная для поддержки контратаки, продолжала оставаться позади вюртембержцев и в обоих правых участках 43-й рез. дивизии, этот недостаток в распределении пехоты на позиции несколько компенсировался. Ее эффективный огонь в значительной мере способствовал тому, что непригодные атаки, которые, как ожидалось, имели место 7 августа, повсюду удалось отразить. В 27-й пехдивизии артиллерия и в ночь на

¹ Помимо артиллерии, входившей в состав 27-й пехотной и 43-й резервной дивизий, в позиционной артиллерии здесь находились: 238-й полк легкой артиллерии (без 1 дивизиона) и 1/36-го полка тяжелой артиллерии — 243-й артиллерийский (стояла во второй линии как ударная), 243-й полк легкой артиллерии (без 3-й и 9-й батарей) 108-й пехдивизии, 213-й полк легкой артиллерии (без 1 дивизиона) и 1/6-го баварского полка тяжелой артиллерии 107-й пехдивизии (стояла в армейском резерве).

8 августа продолжала усиленно действовать, так как по обеим сторонам дороги Корби-Бре был слышен шум двигавшихся танков; и на этот раз это уже была отнюдь не маскировка. Однако к сожалению в районе 27-й дивизии артиллерия оказалась недостаточно эшелонированной в глубину, и к тому же как раз в ночь на 8 августа из состава 43-й рез. дивизии было взято 3 батареи, что должно было привести к весьма печальным последствиям, особенно для 265-го рез. полка (стр. 48).

В то время как здесь на севере всю ночь напролет длился артиллерийский гром, между Соммой и Люс стояла жуткая тишина. С удивлением и подозрением в отношении этой непривычной тишины солдаты с наступлением темноты повылезли из своих ям, окопов и убежищ, расправили свои окоченелые члены и приступили к своей многосторонней работе. Повсюду шныряли разносчики пищи и огнеприпасов, к фронту и обратно шли сменяющиеся части, в пыли дорог проносились кухни и зарядные ящики. Передовые посты неподвижно лежали в засаде. Изредка раздавался затерянный в ночи ружейный выстрел, и лишь с северного берега Соммы слышен был ненстовый артиллерийский огонь. Уже в полночь над долинами рек, оврагами и лощинами поднялся туман, над которым словно приведение торчали лишь верхушки деревьев; над высотами проносилась дымка, и все это было еще освещено ярким лунным светом. Когда на востоке появились первые проблески наступающего дня, туман и дымка еще более сгустились. Теперь в 4.30 утра тишина была внезапно нарушена сильным огнем артиллерии и пулеметов перед Виллер-Бретонне: это была подготовка разведки, организованной 41-й пехдивизией. Удастся ли наконец выяснить, что означают эти удивительная тишина на стороне противника, усиленное движение и шум моторов? Но и теперь на той стороне продолжается тишина, неприятельская артиллерия вообще не ответила!

И вот внезапно в 5.20 утра одним ударом разразился страшный ураганный огонь противника на 32-км фронте от района севернее Морлакур до района южнее Морейль. Тысячи орудий обрушились на пехотные и артиллерийские позиции, на подступы к позициям и населенные пункты, на биваки и командные пункты. Первый акт роковой драмы начался. В первые минуты невозможно было понять, откуда все это несется, потому что каждый слышал лишь непрерывный грохот разрывавшихся в непосредственной близости снарядов. Нельзя было различить, бушевал ли этот ураган также и над соседними батальонами, полками и дивизиями. Что это, 10—15-минутный огневой налет, который мы уже так часто на себе испытывали? Месть за нашу атаку 6 августа у Виллер-Бретонне, будет ли местная атака или что-либо большее? Беспрерывно жужжали телефоны, и отовсюду несся вопрос, что случилось? И все тот же ответ: здесь ураганный огонь! Ничего не видно, ничего не известно! Обычно даже ночью или в сумерках по блеску орудий, падению снарядов, при помощи ракет и световых сигналов можно было очень быстро определить фронт и глубину неприятельского артиллерийского огня и по ним — фронт и силу готовящейся атаки. Но здесь жестокая судьба наложила всем повязку на глаза. Еще более сгустившийся туман, покрывавший теперь и самые возвышенные высоты, благодаря пыли и дыму, а местами благодаря дымовым снарядам превратился в темную стену, которая даже для самых дальнотзорных глаз немудомыслимо закрывала все, что находилось дальше пяти, а самое большее —

шагов. И уже в течение первой четверти часа вся телефонная сеть почти целиком замолчала в той части, которая тянулась от линии танковых командных пунктов к фронту и к соседям. Бравые телефоны усердно старались вновь связать разорванные снарядами концы кабеля, но их труд был напрасен: снова в других местах неприятельская сталь или сила воздуха при разрыве снарядов рвала телефонные провода. Тщательно приспособленные сигнальные лампы нельзя было использовать, лишь отдельные радиостанции кое-как работали. Однако с чем еще они могли доносить, кроме как об ураганном огне? Ведь с их станций ничего не было видно, а донесений с фронта не поступало. Только испытанные посыльные бегуны носились от командных пунктов командиров рот, батальонов, вторых эшелонов, батарей и артиллерийских подгрупп, чтобы добыть какие-либо сведения или передать приказание. Многие незамеченные остались лежать на поле убитыми или ранеными, другие не могли больше прорваться обратно через падавший сверху стальной град или пропадали без вести. Редко кто приходил обратно, и если уж это удавалось, то он все же не приносил никаких существенных сведений.

Через первые 5 минут каждый солдат уже знал, что предстоит исключительно сильный удар противника. Батальоны первой и второй линии, а также все вспомогательные роды войск каждый в своей области были немедленно приведены в полную боевую готовность, насколько это только позволяли непрекращавшийся сильный огонь и теснота в укрытиях. Где только была малейшая возможность привести в действие орудия и минометы, там артиллеристы и саперы прилагали все усилия к тому, чтобы повести возможно более частый огонь на уничтожение. Правда, находившаяся впереди пехота в отчаянном грохоте боя не могла достаточно слышать об этой помощи своей сестры по оружию, и к сожалению помощь эта зачастую слишком быстро прекращалась. В течение целых дней, а иногда и недель по многим батареям и позициям минометов противником не было выпущено ни одного снаряда. Тогда облегченно вздыхали: противник нас еще не обнаружил или полагает, что позиции никем не заняты. Жестокая иллюзия! Пачки тяжелых осколков один за другим валились теперь на огневые позиции артиллерии и минометов, противник отлично знает их месторасположение, щадя их однако до сих пор для того, чтобы тем вернее их теперь уничтожить.

Впереди в плохих и слабых укрытиях пехота несла потери, выносили также из строя орудия и минометы частью вследствие попадания неприятельских снарядов или засыпания земель, частью вследствие того, что их обслуживание из-за преждевременных разрывов или попаданий в сложенные на позиции снаряды делалось невозможным.

Однако этот ураганый огонь еще не был наибольшим злом. Было пережито уже более страшное, и можно было скоро привести свои верны в порядок. Бесчисленное множество вопросов сверлило однако мозги передовых бойцов, сидевших в боевом охранении, в гнездах, в местности впереди основной позиции, равно как и на линии главного сопротивления и во вторых эшелонах; и они не находили на эти вопросы никаких ответов. Когда начнется пехотная атака противника и как ее отразить? Для этого случая не был пригоден ни один из многочисленных уставов по вопросам обороны, потому что могло произойти, только одно: противник, совершенно замаскированный туманом, достигнет

незаметно наших передовых постов и, появившись перед ними внезапно, за несколько секунд до обнаружения, лишит их возможности не только обороняться, но и своевременно отойти. Где впереди главной позиции была предусмотрена особая линия сопротивления, там безусловно иначе не могло обстоять. Наша линия была занята настолько редко, что даже когда появятся первые неприятельские стрелки, то отдельные группы их могут проскочить незамеченными и необстрелянными. Противники полностью перемешаются между собой. Должны ли будут тогда пулеметы с главной позиции сопротивления или с позиций между ней и линией боевого охранения вести огонь в туман на авось по направлению, откуда поднята боевая тревога? Но тогда наряду с противником подвергнутся опасности поражения и свои товарищи. А ведь все боевое охранение представляет значительную часть силы батальонов, занимаемых линией главного сопротивления. На эту линию при обнаружении большой атаки можно отойти. Однако это обнаружение и ускользание как раз и не удается произвести своевременно. В лучшем случае и боевое охранение и противник одновременно налетят на линию главного сопротивления, на которой также имеются никем не занятые промежутки, ее противник также сумеет быстро прорвать и, охватив фланг и тыл, собьет ее прежде, чем успеют подойти ударные части второй линии. Ведь в самом деле: когда эти последние должны двинуться, куда должен быть направлен их удар? Ведь и они не имеют указаний о том, как им наиболее целесообразно действовать. Вокруг царит полная неизвестность.

Имеется ли вообще еще какая-нибудь возможность помочь чем-либо пехоте, если огонь на уничтожение и заградительный огонь не разгромит атакующего противника перед передовой линией? Ведь ничто и никто не могут своевременно сообщить, движутся ли уже атакующие части противника, как близко они подошли, в каком месте разыграется могущая быть услышанной рукопашная схватка. Можно бы перенести огонь поближе, но тогда можно также и своей пехоте нанести огромный вред.

Неслыханное счастье сопутствует врагам Германии. Никогда еще в позиционной войне атака не была легче и безопаснее, чем атака англичан, австралийцев, канадцев и французов в море тумана между реками Авр и Анкр 8 августа 1918 г.

V. НЕПРИЯТЕЛЬСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ 8 АВГУСТА

Карта 2

а) СЕВЕРНЕЕ СОММЫ

Севернее Соммы III английский корпус должен был путем наступления до линии: р. Сомма (колена канала севернее Моркур), выс. 77 северозападнее Эттингем, восточная опушка леса Телль, Дернанкур (карта 1) — обеспечивать левый фланг группировки, наносившей головной удар (южнее Соммы). Так как однако благодаря трудной местности достигнуть указанной цели на всем фронте в первый же день наступления

считали невозможным, то решили на северном участке ограничиться овладением лесом Грессер, перекрестком дорог северо-западнее этого леса и прилегавшими южнее и юго-западнее Морланкур ложинами. Западную окраину Морланкур атаковать не собирались, так как надеялись, что после захватов высот, что юго-восточнее Дернанкур), под схватывающим нажимом отсюда и с юга (западнее леса Грессер) Морланкур будет и так оставлен нами.

Соответственно этому плану 58-й и 18-й дивизиям были нарезаны узкие полосы для наступления, а приданный корпусу батальон тяжелых танков был распределен между этими дивизиями, причем 58-й дивизии была придана 1 рота, а 18-й дивизия — 2 роты. Получившая широкую полосу для наступления и не усиленная танками 12-я дивизия укрепила лишь оба свои фланга. Артиллерийскую подготовку для пехоты и танков 58-й и 18-й дивизий производили 350 легких и 200 тяжелых орудий. К 7.20 должны были достичь южного края Вестфальского оврага, горы Саксен и леса Малард. Действующие до достижения этого фронта в первый линии части должны здесь на один час остановиться, с тем чтобы дать возможность подтянуть вторую атакующую волну, которая со свежими силами должна развить атаку дальше.

Таким образом III корпус направлял свой главный удар против двух левых полков 27-й дивизии и участка 43-й рез. дивизии севернее Соммы.

1. 43-я РЕЗЕРВНАЯ ДИВИЗИЯ

Рано утром 8 августа оборонительным участком управлял еще штаб 43-й рез. дивизии, так как смена ее 108-й пехдивизией еще не была закончена. Равным образом еще не успели смениться штабы бригад и артиллерии, а также 201-й рез. полк. Правее 265-й рез. пехполк, выдвинутый вперед еще с вечера 6 августа, с большим трудом успел занять свой новый участок.

Командир батальона лежал правее в неглубоком овраге Томас, примерно в 100 м от него проходила наша позиция, тянувшаяся несимметричными зигзагами, не оборудованная и не связанная единой системой, а представлявшая собой лишь несколько групп окопов глубиной по грудь. Препятствий никаких не было. Днем вообще нельзя было попасть на позицию, сообщение друг с другом и с командиром батальона возможно было только ночью. Телефонная линия от командира батальона в штаб полка, в Шипили, была уже давно порвана снарядами. Каждый был предоставлен самому себе. За пищей посылали около 4 часов утра, и она тогда естественно была уже холодная, так как кухни приходилось держать в нескольких километрах позади фронта, если вообще удавалось проскочить через полосу дальнего огня. В ночь на 8 августа все были заняты работой на позициях. Однако многого сделать не удалось вследствие полного отсутствия материала для оборудования окопов. Поэтому нет ничего удивительного в том, что уверенность бойцов быстро падала.

Стоял густой туман, закрывавший все, что находилось далее 10 м. Все боевое охранение было на своих местах. Отчетливо было слышно, что Томми¹ тоже работают; совершенно ясно доносился шум моторов, о чем в течение всего предшествовавшего времени регулярно доносилось высшим инстанциям» (дневник лейтенанта Альберс 12-й роты 265-го рез. полка).

Тремя передовыми ротами II батальона 265-го рез. полка были обнаружены совершенно точные признаки непосредственно предстоящей атаки;

¹ Кличка, которой германцы во время войны иронически называли англичан. — Прим. перев.

Около 3.30 английские стрелки в полном для атаки снаряжении вылезли из окопов и начали продвигаться как огневое прикрытие по направлению к нашему боевому охранению.

«Когда я около 4 часов утра донес об этом по телефону в штаб полка и приказал вызвать заградительный огонь, то по всей вероятности на этом участке фронта участь дня еще можно было изменить, если бы артиллерия не упустила эту выгодную цель. Вместо этого артиллерия лишь на вторичный вызов открыла слабый и недействительный огонь, который кстати тотчас же и прекратился. Драгоценное время проходило. Выпущенные из наших легких минометов свыше 100 снарядов хотя и нанесли противнику поражение, однако лишь в весьма ограниченном районе. Позднее, когда меня уже как пленного отправляли в тыл, я видел траншеи, буквально заваленные убитыми англичанами.

Затем после длившегося несколько минут ураганного огня началась атака, которая при правильной организации всегда должна была привести к успеху, коль скоро обороняющийся был оставлен без артиллерийской поддержки) (доклад капитана Рехтера II батальона 265-го рез. полка).

Если бы около 4 часов утра все батареи на участке 43-й рез. дивизии севернее Соммы открыли непрерывный огонь на уничтожение, неприятельская атака еще на исходных позициях могла быть наверняка разгромлена. Отказала ли здесь артиллерия? 265-й рез. полк поддерживала Северная артиллерийская подгруппа (III дивизион 43-го рез. полка) легкой артиллерии. Из этой подгруппы уже ночью были сняты с позиций 3 батареи как первый эшелон смены (4-я, 6-я и 9-я батареи 43-го рез. полка легкой артиллерии), так как 6 батарей 108-й пехдивизии¹ уже стояли на этом участке. Подгруппа располагала лишь 1-й, 3-й и 8-й батареями 43-го рез. полка легкой артиллерии и 3-й батареей 16-го полка тяжелой артиллерии, которые действительно открыли уничтожающий огонь. Лейтенант Хекер, состоявший тогда при штабе 265-го рез. полка офицером для поручений, пишет в письме от 12 августа 1922 г. бывшему полковому адъютанту:

«Тогда они связались по телефону с бригадой и артиллерийской подгруппой. Как они мне впоследствии рассказывали, их донесение бригада приняла очень легкомысленно, в то время как артиллерия отнеслась к нему с большим вниманием».

Командир 265-го рез. полка был в отпуску. Добивался ли его заместитель того, чтобы кроме Северной подгруппы вызвать уничтожающий огонь еще и прочих артиллерийских групп,— это выяснить не удалось. Однако штаб полка по всей видимости считал, что происходит местная атака лишь на участке II батальона, так как, получив донесение от последнего, он запросил III батальон, не заметно ли и здесь признаков, говорящих о намерении противника атаковать.

«На этот запрос я ответил, что наши роты никаких признаков непосредственно предстоящей атаки не обнаружили, я лично в возможность таковой даже не верю, но командир батальона считает положение весьма угрожающим» (сообщение лейтенанта Вольф, адъютанта III батальона 265-го рез. полка).

Так как в первое время впереди все оставалось спокойным, огонь слабой Северной подгруппы был тотчас же снова прекращен.

«Начиная с полуночи, мои 6 батарей вели сильный огонь. Однако количество снарядов было таково, что уничтожающий и заградительный огонь, который

¹ См. подстрочное примечание на стр. 41. 8-я батарея 243-го полка легкой артиллерии была подвижной противотанковой батареей.

почти каждую ночь по несколько раз вызывался, мы смогли снова открыты лишь на ограниченное время. Мы имели указание общего порядка — после короткого огневого шквала ожидать нового вызова» (сообщение капитана Лева II дивизиона 243-го полка легкой артиллерии).

Такое бережливое отношение к снарядам было совершенно необходимо, так как эти батареи израсходовали в последнее время очень большое их количество (от 11.30 6 августа до вечера 7 августа — 2500 снарядов), а подвоз огнеприпасов благодаря сильному противодействию неприятельской артиллерии не был полностью обеспечен. По журналу боевых действий III дивизиона 243-го полка легкой артиллерии по окопам в квадратах 5118 и 5218 в ночь на 8 августа при ведении беспокоящего и уничтожающего огня было выпущено в общем 600 снарядов.

Во всяком случае до начала неприятельского ураганного огня на основании донесения II батальона 265-го рез. полка длительный заградительный и уничтожающий огонь всей артиллерии 43-й рез. дивизии открыт не был.

«Вот начался убийственный артиллерийский огонь легкими батареями по передней линии, тяжелыми — по глубине. Огонь длился около 15 минут, однако в течение их почти все мы приготовились уже распрощаться с жизнью. Внезапно артиллерийский огонь перенесся дальше в глубину. Послышались крики, разрывы ручных гранат и жуткий шум танковых моторов. Охранение впереди, перед ротой еще нет никакого противника, но слева Томми уже кажется все захватывали.

В этот момент слева примчался командир 9-й роты лейтенант Мейер: противник слева ворвался в расположение 10-й роты, все поголовно там уничтожил и повернул на окопы 9-й роты. «Все ваши здесь?» — «Да!» Теперь мы уже не могли больше удержаться. Все, что сохранило после этого югя голову и ноги, сбилось в кучу, и началась стрельба в туман с каким-то особым рвением. С тремя ручными пулеметами, около 40 винтовками и всеми ручными гранатами мы вели вслепую огонь прямо перед собой. По раздававшимся впереди крикам мы могли определить, что попадаем в цель. Попытка связаться с командиром батальона потерпела фиаско, так как всего в 30 шагах левее нас двигалась в сомкнутых строях английская пехота. Мы снова открыли огонь из всех своих средств, которые мы еще имели, и вели его до тех пор, пока все замолчало, и продолжал стрелять лишь ручной пулемет.

Что дальше? Высланные вправо дозоры донесли, что и фронт соседней справа дивизии противником уже давно прорван. Итак лишь мы остались, как «остров в пылающем море». Не бросить ли нам позиции? Но тогда за сдачу позиций противнику придется отвечать. И кроме того мы ведь знали, что должна последовать наша контратака. Но мы жестоко ошиблись. Внезапно у нас в тылу появились англичане, абсолютно пьяные, и с ужасающим криком стали забрасывать нас ручными гранатами. Тут и началось. Мы все направили винтовки на эту банду. Лейтенант Шрам, командир 11-й роты, сразу уложил некоторых на месте. К сожалению здесь наш запас ручных гранат был исчерпан; обслуживать пулеметы в этом крошечном аду мы уже не имели времени. Каждый стрелял и оборонялся самостоятельно, как мог. Но вот появилась новая цепь англичан силою до взвода, которая юткрыла по нас огонь из револьверов и стала забрасывать ручными гранатами, которыми многие из моих храбрецов были убиты и ранены. Будучи окружены и со всех сторон обстреляны и засыпаны ручными гранатами, мы уже не могли думать о дальнейшем сопротивлении. Мы вынуждены были сложить оружие, имея оставшимися в роте всего около 20 человек» (дневник лейтенанта Альберс 12-й роты 265-го рез. полка).

Каким путем произошел этот неожиданно быстрый прорыв на участке 9-й роты?

Участок 265-го рез. полка был растянут по фронту на 1600 м и имел в первой линии 7 рот. Эти последние 6 августа имели в сво-

ем составе (включая и прислугу ручных пулеметов) в среднем по 60 штыков и с тех пор благодаря скверному оборудованию позиций понесли еще значительные потери; известно, что только 10-я и 12-я потеряли 7 убитыми и 6 ранеными, 11 батальон потерял 3 убитыми и 6 ранеными, но это только до утра 7 августа. Несомненно 7 августа были еще потери, так как противник в этот день произвел несколько атак, сопровождавшихся интенсивным огнем артиллерии, минометов и ружейных гранат. Таким образом на каждый ротный участок протяжением свыше 200 м выпадало максимум по 55 штыков, которые располагались примерно следующим образом: 12—15 человек с 1—2 ручными пулеметами — в боевом охранении, 25—30 человек с 2—3 ручными пулеметами — в районе между боевым охранением и линией главного сопротивления (включая ее) и 10—15 человек находились позади как ударная группа или прикрытие стыка, а также как посыльные, телефонисты и пр. Несомненно к началу неприятельского ураганного артиллерийского огня не всюду возвратились обратно разносчики пищи, были еще в пути дозоры, отсутствовали ушедшие с различными прочими поручениями люди, так что приведенный расчет нужно считать очень благоприятным. На особо опасных местах пожалуй стоял еще на передовой линии один станковый пулемет, как например на участке 5-й роты. Остальная большая часть станковых пулеметов и легких минометов была расположена в овраге Томас и восточнее его. Если считать, что боевое охранение состояло из 5—6 парных сторожевых постов и 1—2 пулеметных точек, то на ротном участке в боевом охранении было самое большое 7 огневых точек, что при среднем расчете даст по одной точке на каждые 20 м фронта. Однако промежутки были не равномерны; в одном месте высокий хлеб на корню требовал сближения постов, в другом месте ровная открытая местность позволяла увеличить интервалы, так что промежутки доходили до 40 м. Такое расстояние при все сгушавшемся тумане наблюдать становилось уже невозможным и благодаря этому образовались широкие и безопасные места для вторжения передовых атакующих частей противника. Решающим же фактором, обусловившим такое быстрое развитие всего дальнейшего, явилось появление английской атакующей пехоты одновременно с началом артиллерийского огня (стр. 27—28). Командир 5-й роты лейтенант Флинкер пишет:

«Когда огонь был перенесен к востоку, я со своей ударной группой выдвинулся из наших ям и подошел на 80 м к главной линии сопротивления. Не дойдя еще до этого места, мы попали под внезапный огонь с правого фланга, 4 человека были убиты наповал, а остальные почти все переранены. Будучи охвачены с правого фланга, а вслед за этим и с тыла превосходящим нас в 10 раз противником, мы вынуждены были сдаться. Из моей роты было убито свыше 20 человек. Переходя через линию главного сопротивления, я видел в ямох и на брустверах большое количество трупов. Это были результаты артиллерийского огня противника, так как рукопашной схватки впереди себя я не слышал».

В действительности противник ворвался на линию главного сопротивления 5-й роты в 5.27, т. е. через 7 минут после начала ураганного огня. По показаниям одного пулеметчика удалось выпустить в туман еще 3 ленты, а затем бросить всего несколько ручных гранат. Так же быстро повидимому был решен бой и на участке 6-й роты. Командир 6-й роты 265-го рез. полка, лейтенант Грауман рассказывает:

Как раз, когда я при свете свечи писал утреннее донесение (в моей палатке, покрытой полотнищем палатки яме в 15 м позади главной линии сопротивления), внезапно открылся неприятельский артиллерийский огонь. Одновременно я услышал огонь пехоты. Влопыхах я выскочил вперед, но Томми был уже впереди и позади окопов и вел бой с моими людьми. Видимо неприятельская пехота появилась одновременно с началом артиллерийского огня. Теперь было уже совершенно невозможно взять роту в свои руки, поскольку можно было видеть до 10, максимум до 20 человек. Каждый был предоставлен самому себе. В упорном сопротивлении много моих людей было убито, остальные захвачены в плен.

Этот свой успех противник тотчас же развил на левый фланг полка, на участок 7-й роты и далее к югу.

Возникает вопрос, почему этим так быстро разбитым ротам в центре ожесточенного участка не удалось удержаться на позиции, как 12-й роте. Однако судя по английским источникам, занятие 18-й английской дивизией, части которой атаковали 12-ю роту, исходного положения и в особенности ее взаимодействие с танками не всюду были успешны. 18-я дивизия во время германской контратаки 6 августа особенно сильно пострадала и должна была свою понесшую наибольшие потери 54-ю бригаду заменить 36-й бригадой 12-й дивизии. Затем огонь, поддерживавшийся германской артиллерией (27-я пехдивизия), в ночь на 8 августа велся по ее участку больше, чем по участку 58-й дивизии. Эти обстоятельства и привели к тому, что противник перед 12-й ротой отстал от своего огневого вала, чем дал обороняющемуся возможность выиграть время для открытия огня.

Итак теперь прорвавшийся противник должен встретить ближайшее сопротивление у оврага Томас, где на линии командных пунктов батальонов батальонов были расположены 2-я, 3-я и 8-я роты, а также ручные пулеметы. Однако и они имели всего несколько минут для изготовления к бою. Командир 3-й роты лейтенант Эйнфельд сообщает:

«Рота должна была 7 августа расположиться вправо и влево от командира Северного батальона. Унтерофицеры Вишендорф и Иорнс расположились с 40 человеками правее, главным образом в ямах. Я находился у левого входа в убежище, строившемся для командира батальона, 2 ручных пулемета были расположены на скате, несколько выше. Остальные люди растянулись влево до позиции легкого миномета. После открытия противником артиллерийского огня, который велся одновременно и дымовыми снарядами, наблюдательный пост у командного пункта донес: легкие минометы открыли мощный огонь. Я приказал ручным пулеметам изготовиться к бою. Внезапно тот же наблюдательный пост доносит: Томми уже у минометов. Выскочив из убежища, мы были тут же окружены англичанами и захвачены в плен. О бое нечего уже было и думать. Но группа Вишендорфа вела огонь.

Нас выгнали из убежища наверх. Здесь уже стояли на позиции неприятельские пулеметы. Вдур перед нами показались наши позиции. Лейтенанты Альберс, Шрамм и Мейер стояли со своими людьми в окопах и с удивлением смотрели на нас. Сопровождавшие нас англичане моментально исчезли. Со смущением выслушали товарищи наш рассказ: «Ведь мы еще имеем связь с соседями», — был их ответ. К сожалению это было уже не так (см. рассказ Альберса, стр. 47).

Отделение Вишендорфа оборонялось недолго и после ранения командира было подавлено. Вишендорф, когда его относили, видел:

«В наших передовых окопах творилось ужасное. Здесь произошел горячий рукопашный бой. Англичане и германцы, убитые или тяжело раненные, лежали друг на друге».

2-я рота по показаниям ее командира лейтенанта Шмидта была атакована с тыла и поэтому тотчас же подавлена.

Согласно донесению, составленному вечером 8 августа адъютантом II батальона 265-го рез. полка лейтенантом Вюстеней, легкие минометы батальона уже к 5.30 утра расстреляли все свои снаряды, и в 5.35 унтерофицер 6-й роты Редлер прибыл к командиру батальона с донесением, что на участке его роты противник прорвал линию главного сопротивления.

«Сразу же после открытия огня два взвода 8-й роты и оба резервных пулемета были выдвинуты на позицию, прямо на запад от оврага Томас, чтобы иметь возможность тотчас же перейти в контратаку; в 5.35 туда же был выдвинут и последний взвод. В 5.40 в овраге Томас показались передовые атакующие части англичан, которые сразу же пошли дальше. Так как части батальона продолжали еще впереди сражаться, что видно было по доносившимся оттуда пулеметному огню и разрывам ручных гранат, командир батальона остался на своем месте. Около 6.00 утра сильные цепи англичан ворвались с запада и с севера в овраг Томас и захватили командира батальона в плен. Пулеметные гнезда, расположенные к востоку ют оврага Томас, к этому времени еще не успели организовать свой огонь» (донесение II батальона 265-го рез. полка).

По всем изложенным данным видно, что главная линия сопротивления 265-го рез. пехполка за исключением правого фланга была прорвана уже в 5.27 утра. Отдельные пулеметные гнезда и огневые группы могли пожалуй еще некоторое время держаться. Около 6.00 утра сопротивление на линии оврага Томас было также полностью сломлено, и противник, обходя по звуку еще стреляющие, расположенные в глубине пулеметные гнезда, имел открытый путь до самого леса Малард. Противника могли бы еще задержать находившиеся севернее этого леса части I батальона 265-го рез. полка. Здесь стояла 4-я рота — в бригадном резерве и 1-я рота — в полковом резерве. Однако можно было заранее предусмотреть, что при сильной атаке, да еще к тому же в этом густом тумане, стоявший в Шипилли штаб полка не сможет оказать никакого влияния на применение своих резервов, не говоря уже о расположенном в Моркур штабе 85-й рез. пехбригады. Таким образом командир I батальона капитан Мет был полностью предоставлен самому себе.

Последний не получал с передовой линии вообще никаких сведений кроме донесения от своей 1-й роты, причем не позже 6.20 утра, в котором говорилось, что англичане внезапно ворвались в ее расположение. Ему ничего в этой обстановке больше не оставалось делать, как приказать своей 4-й роте занять западный берег оврага Брюк и загнать назад свой левый фланг.

Приказ дошел до 4-й роты, и ей удалось рассыпаться по западному берегу оврага и изготавиться. В напряженном состоянии и с заряженным оружием она терпеливо ожидала, пока из тумана появятся или свои отходящие части или противник. Справа от нее слышались отдельные пулеметные очереди. Напротив в 1-й роте все было тихо. Вдруг приходит донесение, что противник уже движется по расположенной сзади 4-й роты ложнине. В направлении леса Малард был слышен теперь пулеметный огонь англичан. Командир 4-й роты 265-го рез. полка лейтенант Готшалк сообщает:

«Теперь нужно было отводить роту через ложнину, причем это сопровождалось одиночными поединками моих солдат с солдатами противника, так как противник действительно уже находился в нашем тылу. Во время этого передвижения общее управление ротой было совершенно невозможно, так как

Почти никто не мог видеть даже своего соседа. Затем мы расположились на восточном берегу лощины вошли в связь с несколькими пулеметными гнездами и вместе с ними открыли сильный огонь в расстилавшийся туман.

Между тем 1-я рота была слева обойдена, причем так стремительно, что она уже не могла ни оказать серьезного сопротивления, ни отойти назад.

О всех этих событиях штабу полка ничего не было известно, так как телефонная связь была немедленно разрушена, а прочие средства связи невозможно было использовать (почтовых голубей и собак связи повидному не было). Когда штаб полка выслал офицерский дозор, чтобы выяснить обстановку, полк уже почти целиком был разбит; лишь из 4-й роты позднее собралось 35 человек да отдельные группки бойцов прочих рот.

На участке 201-го рез. пехполка занимавшие фронт роты и одна пулеметная рота не были еще сменены, 2 резервные роты отходили назад, остальные были уже вне боевой зоны. Сменявший 137-й пехполк 5-й ротой, I и III батальонами занял свои места вечером 7 августа. Но передача командования командиру 137-го полка должна была быть произведена лишь с 8.00 утра. Назначенный в первую линию II батальон этого полка (без 5-й роты) находился на марше через Шипилли с 15-минутными дистанциями между подразделениями. Задерживаемая артиллерийским огнем противника 7-я рота последней подошла к входу в лощину Брюк по дороге, идущей от Шипилли на Селли-Лорет, когда начался неприятельский ураганный огонь, воспрепятствовавший дальнейшему продвижению вперед. Где в этот момент находились 6-я и 8-я роты, 2-я пулрота и минометная команда, не выяснено. Частями, расположенными в 1-й линии, командовал особенно отличавшийся командир III батальона 201-го рез. полка капитан Франциус. Он не мог знать, сменены ли уже в этот момент его роты, какие именно и где он должен искать могущие уже быть смененными части. Равным образом и командир II батальона 137-го полка потерял управление своими ротами. Капитан Франциус перед этим не раз указывал на существующую опасность для чрезвычайно слабо занятого участка при атаке противника через соседний справа участок в направлении на гору Гехт. Если прорыв противнику удастся, то части, находящиеся севернее и западнее Селли-Лорет, будут поставлены в весьма тяжелое положение, так как отход на восток вряд ли будет тогда возможен, а отходу на юг препятствует р. Сомма. Поэтому он считал необходимым немедленно отвести главную линию сопротивления назад, на высоты северо-восточнее Селли-Лорет, а на занятом фронте оставить лишь боевое охранение. Это предположение было вне всякого сомнения абсолютно правильно, но дивизия однако с ним не согласилась, вероятно потому, что тогда сосед справа (в отношении боевого охранения) был бы поставлен в чрезвычайно невыгодные условия. Опасения капитана Франциуса целиком оправдались 8 августа. После того как 265-й рез. полк был так неожиданно быстро прорван, достигшие здесь успеха английские атакующие части тотчас же устремились на господствовавшие на этой местности возвышенности горы Гехт и в направлении на Егерские скаты. Одновременно противник атаковал и с фронта.

Один батальон 175-й английской бригады был назначен специально для удара на Селли-Лорет. Его главный удар был направлен из Гасфуртской

лущины на северо-западную окраину деревни и встретил упорнейшее сопротивление со стороны слабых частей 201-го рез. полка. Однако прорыв на участке правого соседа значительно облегчил действия противника. В 6.20 к командиру батальона, находившемуся восточнее селения, поступило первое донесение: «Противник прорвал линию главного сопротивления на участках 8-й и 5-й рот и сильно нажимает с севера через овраг Томас на северную окраину Селли-Лорет и на Фюзилерную дорогу. Немедленно капитан Францус бросил в контратаку в северном направлении 4-ю роту 137-го полка и послал своего офицера для поручения лейтенанта Мейера во 2-ю роту 137-го полка, чтобы повести ее на северную окраину Селли-Лорет. Когда страшный грохот разрывов снарядов огневого вала начал удаляться более к востоку, стало отчетливо слышно, что германские пулеметы западнее деревни ведут сильный огонь. Видимо там фронт еще держался. Однако как только 4-я рота 137-го полка скрылась в тумане, открылся сильнейший огонь по пулеметным гнездам у разветвления дорог, что северо-восточнее командного пункта командира батальона, и по ближайшему участку леса к востоку от него. Неужели англичане уже продвинулись так далеко? Может быть 4-я рота уже вошла в полосу этого огня?

Но положение уже значительно ухудшилось. Лейтенант Мейер напел 2-ю роту 137-го полка уже в бою с противником на линии Егерских скатов. Стоявшая в разведке у оврага Томас 5-я рота 137-го полка должна была уже давно отойти. Сразу же после прорыва противника на участке соседа справа (в 6.00 утра противник там уже достиг оврага Томас) и последовавшего несколько после 6.00 вторжения его в расположение 8-й и 5-й рот 201-го рез. полка 5-я рота 137-го полка должна была сдерживать этот натиск, обороняясь на север и запад. При этом был убит ее командир лейтенант Брункман; понесла видимо еще большие потери, рота была быстро сбита.

Когда выше, на Егерском скате, стал слышен бой 2-й роты 137-го полка, 7-я рота 137-го полка и части отходившей 11-й роты 201-го полка развернулись фронтом на запад для того, чтобы запереть проходящую по ложине дорогу, а вправо из оврага Брюк по крутым скатам постепенно разворачивались 1-я и 3-я роты 137-го полка для перехода в контратаку. Командование ими принял на себя командир 1-й роты лейтенант Крааль. Однако они как раз в этот момент попали под огневой вал противника, потеряли время и потому запоздали. Так как 3-я рота не успела еще вся выйти на высоты, англичанам удалось правее ворваться в овраг Брюк и затем повернуть против ее правого фланга. В результате этого на вершине Егерского ската завязался горячий огневой бой на близкой дистанции, во время которого в овраге Брюк на дороге, идущей из Селли-Лорет, связками ручных гранат было подбито по одному танку. Противник не стал дальше наступать, так как и ему туман очень сильно мешал, делая невозможным ни управление, ни наблюдение. Своей артиллерией он уже больше не поддерживался. Однако когда противник достиг оврага Брюк, удар в северо-западном направлении стал для 137-го полка уже больше невозможен. Между 10.30 и 11.00 лейтенант Крааль отвел остатки своих людей на юго-западную окраину Шипилли.

Таким образом все находившиеся позади главной линии сопротивления части (5-я и 7-я роты и I батальон 137-го полка, 11-я рота

201-го полка) уже не могли ввязаться в бой в районе батальонов первой линии. Более подробные сведения о ходе боя в районе последних отсутствуют; лишь точно известно, что еще долгое время со стороны Селли-Лорет доносился шум боя. Поэтому можно предположить, что остатки 8-й и 5-й рот 201-го рез. полка, видимо усилившиеся частями назначенных для их смены рот II батальона 137-го полка, под все усиливавшимся нажимом с фронта и особенно с севера, из оврага Томас, удерживались на северной окраине селения, в то время как 10-я и 12-я роты 201-го полка держались на западной окраине, а впоследствии — на развалинах самого села в надежде, что контратаки резервов все же облегчат положение. Так как этого не случилось, их участь была решена. Лишь немногим удалось переправиться через Сомму.

Между тем почти около 7.00 утра примерно в 30 м от командного пункта командира батальона с севера из тумана вынырнули первые англичане. В руках у капитана Франциуса здесь не было никаких частей. Ему однако подчинялись находившиеся в овраге Брюк 1-я и 3-я роты 137-го полка, о последовавшем уже вступлении в бой этих частей он естественно еще не предполагал. Он постепенно направился к ним, чтобы бросить их в контратаку, однако около 7.30 утра он нашел дорогу, идущую в овраг Брюк, уже занятой противником. Теперь мог помочь только находившийся на отдыхе III батальон 137-го полка. Поэтому он переправился через Сомму, добрался до лежащего на южном берегу села Серизи и отсюда снова переправился на северный берег в Шипилли.

Это был ужаснейший шаг в моей жизни. Противник прорвался уже до оврага Брюк. В долине Соммы в тумане не видно вытянутой руки. По всей долине Соммы ведется бешеный шрапнельный и химический огонь артиллерии.

Могла ли артиллерия до сего времени принять деятельное участие в пехотном бою? В 43-й рез. и 108-й пехдивизиях действовали 9 легких и 1 тяжелая батареи. По всей вероятности южной артгруппе 27-й пехдивизии (3 легких и 2½ тяжелых батарей) были также назначены районы для заградительного огня перед фронтом 265-го рез. и 201-го рез. полков, так что каждая батарея должна была прикрывать фронт протяжением до 200 м; правда, некоторые батареи имели всего по 3 орудия. Большинство из этих 15½ батарей не находилось под настолько сильным неприятельским обстрелом, чтобы быть вынужденными прекратить огонь. Однако потребность передней линии в заградительном огне из-за тумана не могла быть видна¹, а телефонная сеть с фронта была так быстро разрушена, что вызов заградительного огня до артиллерии не дошел. Вначале на артиллерийских позициях не были уверены в том, что этот огонь не является исключительно местью за предшествовавший огонь германских батарей. Так были утеряны первые минуты, пока батареи одна за другой (одни по приказу свыше, другие по собственному почину) не выпустили первые снаряды. Однако как раз эти минуты и

¹ 4-я батарея 243-го полка легкой артиллерии утверждает, что они видели ракеты и вначале открыла очень сильный заградительный огонь; 6-я батарея того же полка сообщает, что вызов заградительного огня зрительными условными знаками был совершенно исключен. Капитан Лёве рассказывает: «Во всяком случае донесения «противник атакует» больше не поступали. Затем как только еще во время ураганного огня пускались ракеты, все наши батареи немедленно открывали заградительный огонь».

были решающими, так как противник применил новый тактический прием, пустив свою атакующую пехоту непосредственно вслед за началом артиллерийского огня. Уже в первые 5—7 минут пехота достигла главной линии сопротивления и продолжала беспрерывно продвигаться вперед. Поэтому с 5.25 артиллерия вынуждена была все время оттягивать фронт заградительного огня назад. Но этого не было да и не могло быть сделано, так как откуда батареи могли об этом знать, если кругом ничего не было видно и никакие сведения об этом к ним не поступали? Не подлежит никакому сомнению, что под заградительный огонь в самом благоприятном случае могли попасть лишь вторые эшелоны атакующего противника и притом лишь в начале огня. К тому же значительная часть артиллерии вела интенсивный огонь лишь в первый период времени, с тем чтобы затем, как говорит например журнал боевых действий III дивизиона 243-го полка легкой артиллерии, «перейти к спокойному огню». Пехота будет права в своем утверждении, что ей была оказана недостаточная артиллерийская поддержка. Однако артиллерии в этом нельзя бросить даже самый малый упрек.

«Во время атаки 18-й и 58-й дивизий обнаружилось, что заградительный огонь противника был не сильный; однако неприятельская пехота и особенно пулеметы оказали решительное сопротивление» (Монгомери, стр. 48).

Итак противник на участке 43-й рез. дивизии, к северу от Соммы, около 8.00, а не к 7.20, как было приказано, достиг своей первой цели, выйдя на восточную опушку леса Малард. Так как противник должен был согласно приказу здесь на один час задержаться (стр. 45), он временно приостановил бой, причем во время этой паузы ему оставалось лишь сломить последнее сопротивление немцев в Сялли-Лорет и на Егерских скалах. К 7.40 командиру 201-го рез. полка, равно как и командиру 85-й рез. бригады, а также и командиру 43-й рез. дивизии стало известно, что противник достиг линии оврага Брюк. Для контратаки на этом участке вначале имелись лишь стоявшие на отдыхе в Лейпцигском лагере III батальон 137-го полка с 1-й ротой 1-го рез. саперного батальона, причем 9-я рота 137-го полка была уже выдвинута в овраг Кенигин, и I батальон 202-го рез. полка, который, будучи смещен в последнюю ночь, к утру сосредоточился в лагере Фридрих-Августа, на восточном скате горы Георга. В то время как III батальон 137-го полка (без 9-й роты) занимал на мирном фронте вершину горы Канал, I батальон 202-го рез. полка, поднятый в 6.30 по тревоге, был послан через шлюзовый мост в направлении на гору Канал. Несмотря на то что этот батальон был сильно изнурен и очень слаб, все же оба батальона вместе с саперной ротой могли бы довольно легко почти с 7.30 повести сильную контратаку. Однако движение I батальона 202-го рез. полка из-за сильнейшего неприятельского артиллерийского огня чрезвычайно задержалось. Лишь в 9.30 батальон сосредоточился на горе Канал, но без 2-й роты, которая была повернута на Мерикур, так как противник южнее Соммы быстро продвинулся вперед.

Между тем туман на высотах мало-помалу рассеивался и с горы Канал можно было видеть, хотя вначале и не совсем отчетливо, что на Бригадном ребре западнее Моркур уже находятся неприятельские части, продолжавшие движение далее на восток. Связи вправо к 27-й пех. дивизии уже не было. В этой обстановке отдельная контратака III ба-

137-го полка казалась безнадежной. Когда поступившие затем сведения от отдельных прибежавших с передней линии солдат не оставили никаких сомнений в том, что боевые и резервные батальоны почти целиком уничтожены, 43-я рез. дивизия решила объединить все оставшиеся в ее распоряжении части для удержания горы Канал и прежде всего восстановить связь с 27-й пехдивизией. Кроме переданных частей к горе Канал были еще направлены 1-я рез. рота XXXIII саперного батальона из Мерикур и 7-я и 8-я роты расположенного южнее Соммы 97-го пех. полка, II батальон которого находился на отдыхе в Жаппи. Командование всеми этими частями было поручено капитану I батальона 137-го полка Гобелю, который замещал находившегося в отпуску командира 137-го пех. полка. Он выдвинул вправо от III батальона 137-го полка (без 9-й роты) I батальон 22-го рез. полка (без 2-й роты) и 1-ю рез. роту I саперного батальона и оставил позади в своем полковом резерве 1-ю рез. роту XXXIII саперного батальона, а также подошедшие к 11.15 7-ю и 8-ю роты 97-го полка.

По странной случайности все эти передвижения удалось выполнить, не подвергшись атаке со стороны противника. Это обстоятельство объясняется действием немецкой артиллерии и недостаточной активностью противника. Командир находившейся ныне в передовой линии 9-й роты 137-го полка лейтенант Опиц сообщает:

«Когда ураганный огонь противника около 8.00 был перенесен к востоку, рота заняла скат западнее дороги Морланкур-Шипилли. Густой туман препятствовал наблюдению. Я с одним унтер-офицером и юдним посыльным ютпрандился вперед. Нам казалось, что впереди нас больше никого нет. Отходившие остатки I и II батальонов 137-го полка и частей 265-го рез. полка были задержаны. Их пулеметами была усилена моя рота, которая теперь располагала свыше, чем 20 пулеметами, в числе коих были 4 станковых. Английские дозоры были отогнаны с лежащей впереди местности. Выход из Шипилли на Селли-Лорет обеспечивался двумя станковыми пулеметами; также обеспечивалась и дорога на Морланкур, так как вправо никакой связи установить не удалось.

Около 10.00 спереди прибыл лейтенант вюртембергского полка легкой артиллерии Мерики и сообщил, что в Зелестинском лесу сейчас стоят 2 готовых к бою орудия, а также попросил выделить пехотное прикрытие против бродивших кругом неприятельских дозоров. После этого у орудий были установлены 2 пульвзвода по 4 пулемета в каждом. Поддержанная моими людьми, сильно уменьшенная из-за больших потерь орудийная прислуга (2 офицера несли службу наводчиков) нанесла прямым огнем сильный вред двигавшимся южнее Соммы неприятельским колоннам, которые теперь сделались хорошо видимыми».

О деятельности южной артгруппы 27-й пехдивизии мы узнаем из сообщения 13-го полка легкой артиллерии:

«Около 9.45 туман спустился к дымившимся лугам долины р. Соммы, и первый же взгляд показал всю величину неприятельского успеха: отлого поднимавшийся к господствовавшей Римской дороге скат южнее Соммы был сплошь усен неприятельскими колоннами, которые под прикрытием медленно сползавшего по земле пара быстро двигались на восток. Германские линии вдали были там сметены. По ту сторону Серизи посредине ската ползли в замаскированном порядке 4 танка; непосредственно за ними, прикрываясь от тумана, снислась с передков одна легкая батарея. Дальше по направлению к высоте и к Римской дороге быстро продвигались на различных дистанциях длинные колонны. Очевидно артиллерийские части противника, пытавшиеся выйти на высоту (Бригадное ребро)...»

Было счастьем, что непосредственно в долине лежал еще легкий наземный туман, который своей пеленой закрывал впереди лежащую местность от взоров того, кто находился в долине. Таким образом установленные на возвышенном месте на северном краю долины орудия могли скорее обнаружить проходившего у их ног противника, который, как тень, торопливо двигался в колоннах на восток по берегу Соммы и быстрее, чем он, изготовился к открытию огня.

С дистанции около 800 м выдвинутым к югу взводом 8-й батареи был выпущен первый снаряд по колонне противника, которая после тщетных попыток выбросить свои пулеметы за откос дороги или в сады Серизи скрылась за лугами и изгородями у северного выхода из селения.

Непосредственная опасность слева пока была устранена. Теперь налицо было большое количество целей: раньше всего шли танки, которые однако по своей громоздкости продвинулись вперед недалеко; после 5—6 выстрелов все 4 загорелись. После этого был открыт огонь и по английским батареям, которые появились на одной высоте с нашими батареями фронтом на восток. После нескольких наших выстрелов снарядами синего креста¹ прислуга сразу же бросила орудия и скрылась в балке, пролегавшей позади батареи...

В то время как левый взвод 8-й батареи таким образом прикрывал первый фланг, правый взвод, а также 3-я и 13-я батареи 13-го полка легкой артиллерии, равно как и стоявшая на позиции севернее 9-я батарея того же полка, обстреливали действительным огнем на всех дистанциях наступавшие части англичан².

Отдельные орудия, время от времени стреляя картечным огнем, сковали даже атакующие части англичан, которые залегли перед ними на дистанции несколько менее 100 м».

Хотя эта южная группа батарей 27-й пехдивизии, прикрывая лишь пулеметами 9-й роты 137-го полка, стояла впереди самой передовой линии пехоты, она держалась отличнейшим образом. И несмотря на то что она главную массу своего огня направляла по целям южнее Соммы, противник, находившийся перед ней, не нашел в себе мужества продолжать атаку.

Однако здесь же были еще и другие батареи, показавшие отличную работу. Батареи, стоявшие к северо-востоку от Шипилли, а также на юго-востоке (4-я батарея 243-го полка легкой артиллерии и 3-я батарея 43-го рез. полка легкой артиллерии) очень хорошо между собой взаимодействовали.

Лейтенант 4-й батареи 243-го полка легкой артиллерии Рейзингер сообщает:

«Когда туман внезапно рассеялся, мы увидели 4 танка, которые, идя друг за другом, обходили Серизи. За ними шла английская пехота, а также были видны пленные германцы. Эти 4 танка были немедленно выведены из строя прямым огнем, они сгорели. Затем мы в продолжение целых часов вели огни по продвигавшейся пехоте с ручными пулеметами, следовавшим вперед артиллерийским наблюдателям и т. д., стреляя все время прямой наводкой с дистанции около 600 м. Неприятельский пулеметный огонь из Серизи и один преждевременный разрыв снаряда нанесли нам значительные потери. В конце концов с трудом можно было обслуживать только одно орудие».

По всей вероятности указанные 4 танка были те же, которые и 8-я батарея 13-го полка легкой артиллерии считала своей жертвой. Как бы то ни было, вместе с 4-й батареей 243-го полка легкой артиллерии и 3-й батареей 43-го рез. полка легкой артиллерии также хорошо про-

¹ См. подстрочное примечание на стр. 29.—Прим. перев.

² Вероятно в этом обстреле принимали участие также 11-я батарея 13-го полка легкой артиллерии и половина 1-й батареи 6-го баварского полка тяжелой артиллерии.

себя и 7-я и 1-я батареи 243-го полка легкой артиллерии в направлении атаки австралийцев южнее Соммы, но слабее перед фронтом и северу от реки.

Напротив 6-я батарея 243-го полка легкой артиллерии причинила англичанам в лесу Малард и в близлежащем районе особенно большие неудобности. Ее командир лейтенант Леезе отметил в своем дневнике:

«Передо мной Томми остановились на широком фронте для передышки. Я им присоединился один танк, я вынужден был открыть по нему огонь с закрытой позиции. Снаряды ложились хорошо, и он повернул в закрытие. Затем я начал посылать снаряд за снарядом по густым рядам английской пехоты, которая повсюду разбегалась и снова собиралась дальше в тылу. Я вел огонь по ложине, в которой я не мог видеть противника (повидимому Брук — автор), и в течение короткого времени вся когорта противника к моему безграничному изумлению начала отходить через ближайшую высоту (видимо на гору Гехт — автор). Танк под нашим огнем пошел за ними. Пехотного боя впереди не слышно... Позже я получил задачу открыть огонь по Томми, находившимся в овраге (вероятно овраг Томас — автор). Когда эта задача была уже достаточно выполнена и я начал переносить огонь через Сомму, Томми открыли уничтожающий огонь по горе Канал, главным образом по моему наблюдательному пункту и по огневой позиции моей батареи, так что я из-за пыли и дыма не мог уже наблюдать за своими хорошими целями, находившимися по ту сторону Соммы. Поэтому я снова повернул огонь против своего vis-à-vis. Такое положение оставалось до полудня».

Повышенные наблюдательные возможности с горы Канал были для этой батареи особенно кстати, в таком же положении находились 2-я батарея 243-го полка легкой артиллерии, а также 1-я и 8-я батареи 43-го рез. полка легкой артиллерии, огонь которых равным образом должен был нанести большой вред противнику у леса Малард. Вне всякого сомнения лишь исключительно благодаря действию этих нескольких батарей англичане после достижения своей первой цели (восточная опушка леса Малард) на этом направлении в поздние послеобеденные часы не продвинулись сколько-нибудь вперед, потому что, что касается пехоты, которая могла бы здесь идти в контратаку, можно говорить лишь о 9-й роте 137-го пех. полка. Однако перед ее фронтом никаких значительных сил противника не показывалось, так что она около полудня, получив приказ об отходе на гору Канал, смогла совершить этот отход без всякой помехи со стороны противника. Правда, возможно, что англичане благодаря выдвинутым вперед пулеметам этой роты, а затем остаткам 4-й роты 265-го рез. пехполка, которые оказались почти на дороге Морланкур — Шипилли, в 400 м севернее Зелестинского леса, получили впечатление, что здесь закрепилась пехота¹.

Однако после отхода 9-й роты 137-го полка эти 4 1/2 батареи не могли уже больше сами оставаться в Зелестинском лесу. Их запас снарядов был расстрелян, а о пополнении нечего было и думать; передки нельзя было подать. И командиры батарей с тяжелым сердцем должны были решиться на то, чтобы, сняв важнейшие прицельные приспособления и оружейные части, отойти между 1 и 2 час. пополудни с оружейным расчетом назад. До последнего времени они терпели урон не только от артиллерийского огня, но частично также и от пулеметного

¹ Возможно также, что северо-восточнее леса Малард продолжали еще держаться отдельные пулеметы 265-го рез. пехполка и вюртембержцев.

огня противника. Сразу же после оставления орудий англичане захватили позиции 3-й и 8-й батарей 13-го полка легкой артиллерии. При полном отсутствии у неприятельской пехоты предприимчивости еще и теперь было бы вполне возможно действующую на горе Канал пехоту выдвинуть на высоту, что между лесами Малард и Зелестин, и таким образом расположить впереди этой артгруппы. Однако этому препятствовали успехи противника южнее Соммы и на фронте 27-й пехдивизии. В полдень положение на горе Канал изменилось весьма незначительно. Неприятельская пехота показалась в Зелестинском лесу лишь своими очень слабыми дозорами и отказалась от всякой попытки атаковать гору Канал. Пулеметы 9-й роты 137-го полка, расположенные у северо-западного выхода из Шипилли, смогли оставаться здесь до вечера. Напротив артиллерийский огонь и воздушные атаки противника на части, занимавшие гору Канал, все более и более усиливались, так что их левый фланг, принимая во внимание и положение южнее Соммы, пришлось отвести назад.

Теперь 3-я батарея 43-го рез. полка легкой артиллерии и 4-я батарея 243-го полка легкой артиллерии очутились довольно далеко от фронта. По ним открылся такой огонь, что орудийная прислуга должна была отойти назад или искать защиту в погребах Шипилли. И ночью оказалось невозможным подойти с запряжками к орудиям, и их отвод назад уже больше не удался. В 6-й батарее 243-го полка легкой артиллерии, которая также стояла впереди пехоты, к 17.00 все 3 орудия сделались непригодными. Поэтому командир батареи приказал взорвать их. Однако взорвать удалось лишь 2 орудия, третье орудие вечером было спасено.

Дальнейшее ослабление артиллерии 43-й рез. дивизии севернее Соммы произошло вследствие того, что сразу после 13.00 1-я и 8-я батареи 243-го полка легкой артиллерии были переданы 108-й пехдивизии южнее Соммы, а вслед за этим и 2-я и 7-я батареи 243-го полка легкой артиллерии были переброшены на огневые позиции на гору Георга, откуда они вели огонь исключительно по району южнее Соммы. Вечером (после 17.00) были отведены назад также 1-я и 8-я батареи 43-го рез. полка легкой артиллерии в Цвикауский лагерь (на крутом берегу Соммы юго-западнее Бре) повидимому вследствие того, что они полностью расстреляли все свои снаряды. Таким образом части, занимавшие гору Канал, оказались почти полностью лишенными непосредственной артиллерийской поддержки.

2. 27-я (ВЮРТЕМБЕРГСКАЯ) ПЕХОТНАЯ ДИВИЗИЯ

У вюртембержцев вызванный в 5.20 утра заградительный огонь начал уменьшаться как раз в тот момент, когда открылся ураганный огонь противника.

«Мы вначале полагали, что это противник мстит нам за наш огонь, хотя огонь противника был очень сильный. Но так как последний однако не ослабевал, мы сразу же решили, что противник готовится к атаке. Поэтому батарея также ответила заградительным огнем» (донесение 6-й батареи 13-го полка легкой артиллерии).

«Заградительный огонь нашей артиллерии с 5.20 утра своей слабостью внушал опасение» (реляция о бое 7-й батареи 213-го полка легкой артиллерии).

«Южнее дороги Корби-Бре с 8.00 утра продолжали стрелять лишь 7-я и 4-я батареи 213-го артполка» (реляция о бое 4-й батареи 213-го полка легкой артиллерии).

Из-за неприятельского обстрела вынуждены были молчать:

9-я батарея 238-го полка легкой артиллерии	с 7.15 до 7.45 утра;
4-я батарея 213-го полка » »	с 6.20 до 8.15 утра;
7-я батарея 213-го полка » »	с 6.45 утра с перерывами.

В 6-й батарее 213-го полка легкой артиллерии сразу же после 5.30 утра все орудия вышли из строя, в 5-й батарее 213-го полка легкой артиллерии то же самое произошло сразу же после 7.45 утра. В 1-й батарее 13-го полка легкой артиллерии с 6.30 утра могло стрелять лишь одно орудие.

«Во время вторичного заградительного огня 2 орудия вышли из строя, а вслед за ними и 3-е» (донесение 9-й батареи 213-го полка легкой артиллерии).

Немногом отличалось положение и в остальных батареях.

Из этих донесений артиллерии видно, что она, открыв между 5.20 и 5.30 утра заградительный или уничтожающий огонь, очень быстро ослабила свое действие. Огонь же на уничтожение, который велся до 5.20 утра, по всей видимости был не безуспешен, потому что, поскольку вообще донесения о начале атаки шли главным образом с переднего края обороны, об атаке стало известно не раньше 5.45 утра, а на отдельных местах гораздо позднее. Из того факта, что влияние противника в главную линию сопротивления 265-го рез. пех. полка, последовало уже в 5.27 утра, нельзя предположить, что противник имел намерение атаку против 27-й пехдивизии начать несколько позднее. Отсюда очевидно, что артиллерия своим огнем принудила к замедлению и неодновременности начала атаки. В частности по английским источникам танки не своевременно подошли к южному флангу 27-й дивизии. Однако в дальнейшем влияние артиллерии на ход событий вплоть до рассеяния тумана почти целиком прекратилось; пехота была предоставлена самой себе.

На южном полковом участке батальон 1-го эшелона (II батальон 120-го пехполка) вначале оказал упорное сопротивление атаковавшим его с фронта лишь около 6.00 утра англичанам; в особенности показали отличные действия пулеметы (в том числе из 2-й и 3-й пулеметных рот). Однако вскоре главным образом справа появились танки, которые, следуя вдоль переднего края обороны спереди и сзади него, поставили стрелков II батальона в очень тяжелое положение. В то время как здесь еще шел бой, около 6.30 утра уже давал себя чувствовать прорыв противника на участке соседнего с юга полка до оврага Регимент. Находившаяся поблизости от командного пункта 9-я рота 120-го полка заняла в направлении на шум боя, поднятый пулеметными гнездами, расположенными в районе группы деревьев Фрейбург, и 4-й ротой 265-го рез. полка (стр. 51), западный берег оврага и смогла отбить показавшиеся с запада из тумана первые группы противника. Однако в этот момент англичане появились с юга у самого входа в убежище командного пункта. Хотя отдельным отважным группам вюртембержцев и удалось отстоять командный пункт, но когда противник затем и с северо-запада ворвался в овраг, то судьба не только 9-й роты 120-го полка, но и всего II батальона благодаря атаке с обоих флангов была решена.

Все, кто уцелел после фронтального отражения атаки, будучи окружены превосходными силами, были захвачены в плен. Позднее однако частям II батальона (около 100 человек), которые были уже захвачены в плен, удалось вырваться из плена и пробиться на восток. Остатки 9-й роты и отдельные группы 3-й пулроты (с одним пулеметом) с длительными боями успели отойти через гору Саксен в восточном направлении.

Охват II батальона 120-го полка справа явился следствием быстрого и решительного прорыва англичан по обеим сторонам дороги Корби-Бре, на участке III батальона 123-го гренадерского полка. Здесь противник (ввел в дело особенно большое количество танков, которые как раз здесь нашли отличную для себя местность. Прицельного огня германской артиллерии в условиях наличия сплошного тумана им не пришлось бояться. Одни гренaдеры с их пулеметами и минометами были бессильны бороться против этих бронированных чудовищ. Безудержно ползли последние через окопы и пулеметные гнезда вперед, и для следовавшей непосредственно за танками пехоты не было никакого труда войти в сделанный танками прорыв слабого германского фронта, проскочив в тыл обороняющимся соседним частям, и их быстро подавить.

В 6.20 командир III батальона 123-го полка капитан Швенцер получил первое донесение: «Противник при помощи танков прорвался на левом фланге и крупными силами нажимает с юга на передовые части». Одновременно было слышно, что пулеметный огонь англичан быстро переносится в восточном направлении на дороге Корби-Бре и южнее ее, в то время как свои пулеметы на правом фланге батальона продолжали вести огонь с прежних позиций. Это была горькая расплата за то, что все 4 роты III батальона были выдвинуты в передовую линию, за то, что на важной дороге Корби-Бре, где уже с 7 августа предполагали возможность танковой атаки, до самых лесов Тель и Грессер вообще не было никакой пехоты. Единственный резерв командира батальона (5-я рота 123-го полка) был выброшен капитаном Швенцер на позицию западнее дороги Морланкур — овраг Регимент, чтобы перехватить на этой тыловой позиции отходящие спереди части и образовать новую линию сопротивления. Постепенно части на этой позиции усиливались и дошли в общем до 200 штыков и нескольких пулеметов и легких минометов.

Вскоре и перед ними появились неприятельские группы, но последние сдерживались без особых трудностей. Сильной атаки противник сразу не повел. Это объясняется главным образом тем, что противник здесь почти достиг своей первой цели атаки (стр. 45). Около 8.00 поступило донесение от расположенной на правом фланге 11-й роты 123-го полка, что она свои позиции еще удерживает и имеет связь вправо с 124-м полком. Однако это донесение повидимому было очень долго в пути, так как по данным 124-го полка связь с гренaдерами была порвана уже на час раньше.

На участке 124-го пехполка положение к 7.00 было устойчивое. Так как противник сначала отказался от фронтальной атаки на Морланкур, то бой завязался главным образом лишь на обоих флангах батальона первой линии (I батальона 124-го полка). Несмотря на то что на фронте протяжением свыше 1800 м были большие разрывы (до 100 м шириною), все же удалось задержать наступление англичан. Однако уже в

30 прорыв противника на участке 123-го гренадерского полка на дороге Корби-Бре, стал давать себя чувствовать на левом фланге. Один за другим оттуда появились 4 танка, прошли позади 11-й роты 123-го полка и 3-й роты 124-го полка в овраг Западный и своим огнем в тыл этих рот поставили их в весьма критическое положение. В это время командир батальона бросил свои резервные части (7-я и 8-я роты) на поддержку левого фланга, причем 7-я рота, попав в проходивший здесь как раз в этот момент огневой вал, была почти целиком рассеяна. Когда следовавшие за танками английские атакующие части сбили также видимую часть 11-й роты 123-го полка, танки встретили со стороны расположенных в глубине пулеметных гнезд и поспешивших вперед резервов такое сопротивление, что они предпочли повернуть назад и уйти севернее дороги Корби-Бре в западном направлении. Благодаря этому 2-я и 1-я роты 124-го полка могли и дальше основательно держаться, причем то обстоятельство, что противник и здесь почти достиг своей цели атаки и задержался на этом, было этим ротам на руку.

Однако одновременно около 7.00 прорывы на участке 4-й и 2-й рот 124-го полка сделались для них роковыми. Противник скрытно проник почти до высот на северной окраине Морланкур и, повернув на север, вышел обоим ротам в тыл. 4-я рота вынуждена была отойти до сближения на дороге на северо-западной окраине Морланкур в то время, как 2-я рота была отеснена до дороги, идущей на Мольт (северо-восточнее Морланкур). Таким образом теперь противник получил бы возможность проникнуть с северо-запада в Морланкур, если бы здесь, на окраине деревни, не продолжали твердо и стойко держаться 3 пулеметных гнезда.

Севернее 124-го полка вслед за неприятельской артиллерийской подготовкой видимо не было никакой серьезной атаки. Лишь позже, когда около 7.00 позиции находившегося на левом фланге 54-й рез. дивизии 124-го рез. пехполка были снова сильно обстреляны, определилась атака противника. Батальон первой линии (II батальон 247-го рез. полка) вынужден был сдать противнику впереди лежащую местность, однако сумел удержать передний край по ложбине дороги, идущей на Мольт. Части батальона второй линии (I батальона) в целях заслона со стороны Морланкур заняли линию железной дороги северо-восточнее этого пункта.

Таким образом несмотря на не одновременное начало атаки противник достиг своей ближайшей цели к намеченному сроку (7.20) и на всем протяжении 27-й пехдивизии. То обстоятельство, что 124-й полк потерял незначительную территорию, зависело в меньшей степени от сопротивления его I и половины II батальонов, чем от того, что противник замышлял занять Морланкур лишь позднее. Гораздо серьезнее было положение у вюртембергцев в районе по обеим сторонам дороги Корби-Бре и на их левом фланге. Почти $\frac{3}{5}$ III батальона 123-го и II батальона (с 9-й ротой 120-го полка) были почти целиком уничтожены, и лишь незначительная часть их задержалась на артиллерийских позициях, а часть отошла еще дальше в тыл. Противнику открылся совершенно свободный путь до лесов Тель и Грессер. Однако у англичан не было таких смелых командиров, которые решились бы нарушить соответствовавший создавшейся обстановке приказ, говоривший об остановке на час по достижении линии намеченных ближайших целей.

Если бы это случилось на участке 120-го полка, англичане не дали бы уйти батареям, расположенным в овраге Кюхен и в перелесках южнее его. Однако здесь атакующие части задержались не только на 1 час, но повидимому потому, что к ним не подошли приданные им танки, — на гораздо большее время. Как раз в это время туман начал рассеиваться, батареи получили возможность наблюдать, и теперь только они и спасали все положение на южном фланге 27-й пехдивизии. В начале 7-я и 9-я батареи 238-го полка легкой артиллерии и 9-я батарея 13-го полка легкой артиллерии около 7.45 открыли огонь по противнику, проникшему в овраг Регимент; одновременно туда же перенесли свой заградительный огонь и 2 орудия 1-й батареи 6-го баварского полка тяжелой артиллерии. В донесении 7-й батареи 213-го полка легкой артиллерии говорится следующее:

«С 8.00 наблюдение улучшилось, стало заметно, что противник перенес свой огонь дальше в тыл. Батарея вытасила свои орудия на высоты для открытия прямого огня. Между 8.00 и 8.30 пехота, пулеметы и минометы начали густыми группами поспешно отходить назад. При этом офицеры не было видно. Тогда батарея открыла огонь по своему переднему краю обороны на дороге Корби-Бре. Около 9.00 на противоположном скате оврага Кюхен показалась неприятельская рота с винтовками за плечами. Несколько метких выстрелов ее полностью рассеяли. Двигавшаяся вперед и назад по дороге Корби-Бре неприятельская пехота была взята под действительный огонь, а около 10.00 мы открыли также огонь по двум поспешно уползавшим назад танкам. Один из них был подбит и загорелся, другой скрылся. Почти одновременно одна рота противника с большим количеством пулеметов начала переходить через овраг Кюхен, ведя впереди себя германских пленников. Противнику удалось лишь на небольшое время выбросить на позицию один пулемет. Впрочем противник огнем батареи и одного нашего пулемета под командой унтерофицера Габиخت, простреливавшего продольным огнем овраг, был так расстроен, что он в конце концов был подавлен и залег на пшеничном поле в 600 м правее и впереди батареи».

Между тем противник, понесший поражение от 7-й батареи 213-го полка легкой артиллерии, стал сильно угрожать 7-й батарее 238-го полка легкой артиллерии. Она имела еще 2 готовых к бою орудия, одна из-за круто повышавшейся местности не могла открыть прямой огонь по подошедшему на 300 м противнику. Поэтому она снялась с позиции, отправила оружейную прислугу к 7-й батарее 213-го полка легкой артиллерии и стала помогать ей; прежде всего огромную пользу принесли ее пулеметы. Один выдвинутый вправо пулемет под командой сержанта Мюллер действовал особенно успешно.

В донесении командира 4-й батареи 213-го полка легкой артиллерии лейтенанта Якубаш сказано:

«В 8.45 к батарее подошел сильно расстроенный взвод 120-го полка, около 40 человек, отходивший от горы Саксен через овраг Кюхен. Оба находившиеся при этом офицера объяснили, что противник по достижении оврага Брюк повернул на север, поддерживаемый танками. Несмотря на это положение батарея решила около 9.00 выдвинуть на высоту 2 орудия для открытия прямого огня. Туман уже рассеялся настолько, что можно было наблюдать движение пехоты противника. В 9.25 северо-западнее перекрестка дорог Морланкур-Шипилли и Корби-Бре появился один танк, продвигавшийся на восток. Сосредоточенным огнем обоих выдвинутых орудий танк был подбит после 12 выстрелов с дистанции 1400 м.

Около 9.40 противник пытался густыми колоннами перейти через горы Саксен и проникнуть в овраг Кюхен. С дистанции 700 м он был вынужден под уничтожающий огонь и вынужден был с потерями отойти обратно на гору Саксен...»

Повидимому также 3-я батарея 36-го полка легкой артиллерии и 1-я батарея 4-го ландв. полка тяжелой артиллерии принимали участие в уничтожении неприятельской пехоты. Однако у них скоро иссяк запас снарядов; во всяком случае взвод 1-й батареи 6-го баварского полка тяжелой артиллерии около 9.00 расстрелял свои снаряды и отвел свой артиллерийский расчет в тыл.

Поэтому следует особенно отметить выдержку 7-й батареи 213-го полка легкой артиллерии, а также 4-й батареи 213-го полка легкой артиллерии, так как они с 7.45 непрерывно обстреливались с правого фланга английскими пулеметами. Как это могло случиться, об этом даются объяснения в донесениях 5-й и 9-й батарей 213-го полка легкой артиллерии. Первая до 7.45 обстреливалась сравнительно слабым огнем, однако затем она попала под такой сильный огневой вал, что вскоре понесла большие потери, и все ее орудия вышли из строя. Когда один пехотный офицер с несколькими людьми отходил через позицию, батарея узнала, что противник находится непосредственно возле 5-й батареи.

Чтобы избежать неизбежного пленения орудийной прислуги, офицер батареи лейтенант Ризенберг попытался со способными еще двигаться людьми, которые однако были морально сильно подавлены (позиция была занята лишь в конце июля, поэтому на ней были лишь открытые ямы и не было никаких препятствий), скачками пробежать через полосу огня, который противник вел теперь по лесу Грессер. Однако лишь немногим людям удалось перейти через лощину» (история полка).

Вскоре после сдачи орудий на позицию пришел командир батареи поручик Трегер. Последний рассказывает:

«Непосредственно возле орудий я увидел окапывавшуюся пехоту. Чтобы узнать у нее обстановку, я побежал туда. Туман и чад сильно затруднили наблюдение, и лишь после того как я сделал 20 шагов, я заметил, что забежал в расположение противника. Внезапно поднялись 8—10 англичан и заправили на меня свои винтовки; мне ничего больше не оставалось делать, как сдаться в плен.

Тогда меня один солдат повел в тыл сначала в одну каменоломню, а затем вместе с одним германским пехотинцем по дороге дальше назад. Так дорога сильно обстреливалась фланговым огнем германской батареи (проходивший недалеко от дороги танк был подбит парой снарядов), наш конвоир предпочел, что безопаснее сойти с дороги. Это было наше спасение. Благодаря этому мы оказались поблизости от одного еще занимавшегося германского окопа, гарнизон которого жестами указывал нам, чтобы мы пригнулись. Я схватил моего товарища по несчастью, прыгнул с ним в один ход сообщения и оттуда большими прыжками перескочил в занятый окоп. Наш конвоир сначала остолебенел, а затем бросился как можно скорее убежать, однако был преследуем огнем, которым он кажется был ранен».

Поручик Трегер пристал к группе Швенцера, которая лишь от него узнала, что противник юго-восточнее ее проник уже до 5-й батареи 213-го полка легкой артиллерии.

Благополучнее дело было у стоявшей несколько далее 9-й батареи 213-го полка легкой артиллерии. Ее командир лейтенант Герцог рассказывает:

«После того как оба правые орудия вышли из строя, так как прислуга была частью переранена, частью отравлена газами, я продолжал левым взводом вести огонь. У выдвинутого вперед взвода также выбыло одно орудие, будучи повреждено осколком гранаты. Когда туман несколько рассеялся, с батареи стало видно, что между позициями 6-й батареи 238-го полка легкой артиллерии и 5-й батареи 213-го полка легкой артиллерии окапывается пе-

хота. Сначала последнюю приняли за свою. Когда же окончательно выяснилось, оказалось, что это были англичане. Последняя пушка действующего взвода немедленно открыла по пехоте огонь с дистанции 600—800 м. Через короткое время противник очистил высоту, будучи преследуем огнем артиллерии, у которого однако вскоре перестал действовать замок».

К сожалению 6-я батарея 238-го полка легкой артиллерии, отводя обороняясь с короткой дистанции, пала жертвой внезапной атаки англичан. Почти весь ее оружейный расчет был убит, либо раненый неповрежденный попал в плен; это была единственная батарея на участке 27-й пехдивизии, которую постигла такая участь. Проникнуть сюда противник состоял из частей VII отдельного батальона¹ и около 80 человек X батальона под командой своего батальонного командира. Это были единственные части из 18-й и 58-й английских дивизий, которые решительно двинулись на выполнение второй цели и достигли района к юго-востоку от перекрестка дорог, что в квадрате 5а (карта 2). Они видимо были не особенно довольны недостаточной энергией своих товарищей справа и слева в тот момент, когда они по рассеянии тумана, клином вдавшись вперед, очутились под огнем ближайших германских батарей и затем, понеся потери, вынуждены были отойти.

С другой стороны по этому можно судить, с какой исключительной твердостью держались упомянутые выше батареи без достаточной пехотной поддержки и как легко можно было подавить неприятельскую пехоту артиллерийским огнем, если бы только была возможность вести наблюдение.

Давно уже было бы пора появиться на линии передовых батарей идущим в контратаку ударным батальонам. Однако в 124-м пехполку такого не было, так как из II батальона 7-я и 8-я роты были командиром батальона уже введены в дело, а 2 прочие роты (6-я рота была расположена в 800 м восточнее Виллер-Шапель для обеспечения связи с 54-й рез. дивизией, а 5-я рота находилась при штабе полка в восточной опушке леса Тей) ушли слишком далеко, чтобы их можно было сосредоточенно ввести в дело. Это было тем более неприятно, что противник выяснил тяжелое положение и слабость частей подчиненных командиру I батальона 124-го полка капитану Шедлеру. Начиная с 11.00, противник стал особенно угрожать южному флангу группы Шедлера, так что 1-я, 3-я и 8-я роты, а также остатки 7-й роты вынуждены были все более и более отходить к юго-западной углу и на южную окраину Морланкур.

На участке 123-го гренадерского полка ударный батальон (II батальон без 5-й и пулеметной рот) находился на северо-восточном склоне леса Грессер. Сильный артиллерийский обстрел (особенно химическими снарядами), а также нагромождавшиеся недостоверные сведения, что противник с юга уже продвигается в овраг Грессер, создали на некоторое время сомнение в действительной обстановке. Поэтому командир батальона сначала решил ограничиться занятием высот, непосредственно прилегающих с востока к оврагу Грессер, чтобы запереть его. Благодаря этому естественно драгоценное время было потеряно. Когда затем выброшенные вперед патрули не нашли в овраге никакого противника, роты были брошены в контратаку (7-я правее, взвод 6-й роты

¹ 7 Batalion Royal West Kent.

в середине и 8-я рота левее), направляя главный удар в общем направлении южнее большой дороги Бре-Корби с намерением вести контратаку до установления связи с батальоном первой линии. Остальные 2 взвода 6-й роты были оставлены на западном скате оврага Грессер для прикрытия левого фланга батальона. Энергично продвигаясь вперед, эти 2 1/3 роты прошли зону все еще сильного неприятельского артиллерийского огня в лесу Грессер, решительно атаковали уже расстроенного огнем 9-й батареи 213-го полка легкой артиллерии, находившегося перед позициями 6-й батареи 238-го полка легкой артиллерии и 5-й батареи 213-го полка легкой артиллерии противника, опрокинули его, захватили у него в районе 7-й батареи 213-го полка легкой артиллерии около 40 пленных и заняли к 11.30 фронт почти от перекрестка дорог, что северо-западнее оврага Кюхен, до западного берега этого оврага. Здесь однако батальон встретил такое сильное сопротивление, что для дальнейшего продвижения вперед его слабых сил было уже недостаточно. Между тем приданная рота 6-й отдельной пулеметной группы дивизии заняла вслед за этим высоты за 7-й батареей 213-го полка легкой артиллерии. Несмотря на этот успех II батальона 123-го гренадерского полка все же не удалось войти в связь с группой Швенцера, тем более что последняя тем временем благодаря возникшей угрозе охвата левого фланга вынуждена была отойти назад еще на некоторое расстояние. Все же капитан Швенцер, хотя он этого и не знал, получил от близости II батальона 123-го полка облегчение. В 11.25 он послал почтовым голубем донесение, что он еще держится, но почти окружен.

Сильное сопротивление, на которое наткнулся II батальон 123-го гренадерского полка, стало также известно из наблюдений 9-й батареи 13-го полка легкой артиллерии.

«В 11.20 внезапно справа и спереди батареи появилась густая колонна неприятельской пехоты (около 300 человек), которая, не имея перед собой противника, начала продвигаться к востоку по направлению балки Кюхен. Хотя открытый тотчас же по нему огонь из орудия и пулеметов был видимо успешный, однако это не помешало ему еще ближе продвинуться и открыть, особенно из-за фланга, поражающий пулеметный огонь. Так как ожидавшаяся контратака все еще не последовала, командир батареи решил выпустить последние снаряды и очистить позицию. Вслед за этим противник проник на батарею».

Ударный батальон 120-го пехполка (без 9-й и 3-й пулеметных рот) к сожалению вообще не перешел в контратаку, 10-я, 11-я и 12-я роты были только в ночь на 8 августа оттянуты с позиций, на которых они вели упорный бой. Командир батальона капитан Винтер командовал еще батальоном и лишь утром раненый отошел в тыл. Батальон таким образом остался без своего испытанного руководства. Расположенная в овраге Грессер 12-я рота видимо понесла большие потери от исключительно сильного огня неприятельской артиллерии. Когда разрозненные группы 9-й роты и II батальона 120-го полка в плохом состоянии отошли назад, когда за этим были сданы стоявшие перед 12-й ротой батареи (7-я 238-го полка легкой артиллерии, полубатарея 6-го баварского полка тяжелой артиллерии и 9-я — 13-го полка легкой артиллерии), и когда потом англичане действительно слева от нее показались из леса (это были видимо отдельные слабые группы, которым удалось под прикрытием тумана забраться так далеко), рота не имела уже

ни стремления, ни сил к переходу в контратаку. Приказа она не получила, что в условиях сильнейшего огня по оврагу Грессер и по лесу является также неудивительным. Две другие роты, находившиеся на скатах северного берега Соммы и оставшиеся также без приказов, видимо ограничились занятием высоты впереди двух стоявших здесь батарей (6-й 13-го полка легкой артиллерии и 6-й 213-го полка легкой артиллерии).

Таким образом лишь ударному батальону среднего полкового участка выпал на долю некоторый успех и только трем отдыхавшим батальонам удалось еще исправить положение. III батальон 124-го полка был уже в 6.00 вызван из Бре и с 7.30 овладел дорогой Бре-Корби и отм. 64,9. Вероятно дивизия намеревалась одновременно ввести в дело все 3 отдыхавших батальона и видимо она считала обстановку еще не настолько угрожающей, чтобы ее нельзя было восстановить силами ударных батальонов обоих левых полковых участков. Во всяком случае III батальон 124-го полка сначала не был продвинут дальше. Два других отдыхавших батальона (I 123-го гренадерского полка и I 120-го полка) могли подойти лишь позднее, так как были расположены в районе Сюзан. I батальон 123-го гренадерского полка был затем (время не выяснено) развернут недалеко от III батальона 124-го полка, в то время как I батальон 120-го полка лишь к 14.00 достиг района к северу от Эттингем.

Направление III батальона 124-го полка на Морланкур было бы гораздо более целесообразным, так как противник около 13.15 приступил к концентрированной атаке этого селения с северо-запада и юга. После сильной артиллерийской подготовки группа Шедлера, расстрелявшая почти все свои огнеприпасы, была атакована с охватом фланга и подавлена. Большая часть ее пяти слабых рот была захвачена в плен. Лишь остаткам ее и частям 11-й и 12-й рот 123-го полка удалось пробиться к востоку. Капитан Шедлер последним ушел около 14.00 со своего командного пункта и совместно с командиром 1-й пулроты лейтенантом Шмоль организовал новое сопротивление у восточного оврага и севернее его. Ранее упомянутые 3 пулеметных гнезда на северной окраине селения продержались еще почти до 15.00 и затем также отошли на эту новую линию сопротивления. Повидимому противник не придал особого значения захвату лежавшего в низине Морланкура. Во всяком случае он дальше не стал продвигаться и видимо ограничился лишь выдвиганием к востоку отдельных постов.

Однако положение группы Швенцера теперь сделалось чрезвычайно тяжелым. Все же она продолжала непоколебимо держаться.

Туман и неприятельский огонь способствовали тому, что высшие штабы в течение долгого времени не имели достоверных сведений о положении на передовой линии фронта. Все же можно было сразу определить, что в полосе LIV корпуса противник атаковал лишь на фронте 27-й пехдивизии. Поэтому командование армией приказало, чтобы свободные, отдыхавшие и ударные батальоны неатакованных дивизий (233-й пехотной и 54-й резервной) были направлены для контратаки между Морланкуром и Шипилли, равным образом ударная дивизия LIV корпуса (243-я пехдивизия) по обоим берегам Соммы. Уже в 7.30 были отданы первые приказы, согласно которым эти части начали движение позади атакованных участков; однако при этом приказы дивизий, корпусов и

и неизбежно перепутывались, и дальнейшее развитие обстановки требовало их изменения. Прошло много времени, прежде чем эти подкрепления могли быть введены в дело. Севернее Соммы их задача состояла в том, чтобы снова овладеть линией Морланкур — гора Саксен и закрыть прорыв к правому флангу XI корпуса, т. е. овладеть горой Канал. Вследствие еще более неблагоприятно сложившейся обстановки южнее Соммы дальнейшие цели не намечались.

Для выполнения первой задачи были наконец сосредоточены 2 ударные группы. Одна в лощине у командного пункта командира 247-го рез. пехполка (на карте 2 квадрат 4626) под командой майора Гутшера, подчиненная 54-й рез. дивизии. Она состояла из III батальона 246-го рез. полка, I батальона 248-го рез. полка, II батальона 450-го рез. полка и 11½ батарей орудий сопровождения (ударный полк Гутшера). Другая группа была собрана на участке 27-й пехдивизии в лесу Тей и состояла из III батальона 247-го рез. полка, III батальона 248-го рез. полка, половины III батальона 124-го пехполка под общей командой командира 124-го полка подполковника Легелера. Кроме того в 27-й пехдивизии остался еще один батальон (II батальон 246-го рез. полка), расположенный вначале у фермы Бронфе. К сожалению сосредоточение обеих групп закончилось лишь между 3.30 и 4.15. Раньше выступила группа Гутшера на фронт Морланкур — гора Саксен, немного позднее двинулась южная группа. По какому-то несчастливому случаю не были совершенно точно обозначены разграничительные линии между полосами обеих групп. Так как южная группа направлялась своим правым флангом также на Морланкур, то при продвижении вперед, во время которого она к тому же была расстроена многочисленными воздушными атаками и артиллерийским огнем противника, произошло перемещение частей обеих групп, которое было особенно неблагоприятно тем, что привело к скучиванию войск в районе между Морланкур и дорогой Бре-Корби. Южнее же этой дороги, где действительно лежала главная опасность, двигался лишь III батальон 247-го рез. полка, который правда имел соприкосновение с отдельными частями 123-го и 120-го пехполков.

Спротивление неприятельской пехоты было весьма слабое. Без значительных потерь к 17.30 удалось достичь и закрепиться на линии: западная окраина Морланкур — перекресток дорог, что южнее Вестфальского оврага — северо-восточный скат горы Саксен. Остатки групп Шедера и встречные разрозненные группы 124-го и 123-го полков были снова увлечены вперед, и группа Швенцера была наконец сменена. Части 120-го пехполка (особенно I батальон) заняли непосредственно южнее восточный скат горы Саксен.

27-я пехдивизия заранее определила, что при таком проведении контратаки промежуток между ней и соседней слева дивизией не сможет быть закрыт. Из 243-й пехдивизии ею были оставлены 479-й пехполк и I дивизион 238-го полка легкой артиллерии (без 3-й батареи); прочие части необходимо было ввести в дело южнее Соммы. Сосредоточенный в лощинах северо-западнее и юго-западнее Бре 479-й пехполк немного позже 17.00 получил приказ, продвигаясь одним батальоном (III) южнее леса Грессер, восстановить связь между 120-м пехполком и правым флангом 43-й рез. дивизии, а другим батальоном (I) занять высоты во-

сточнее и юго-восточнее Этингем, чтобы задержать противника и, в случае если он захватит Мерикур, переправиться через Сомму. II/479-го пехполка был оставлен северо-западнее Бре; дивизионный резерв, II батальон 246-го пехполка выступил в 18.30 из фермы Бронфе на юг, чтобы сосредоточиться позади III батальона 479-го пехполка. Обе батареи были уже в 14.00 подчинены артгруппе поддержки пехоты и использованы для противотанковой обороны северо-западнее Бре.

Когда головная рота III батальона 479-го полка достигла после 20.00 (авиация сильно замедлила продвижение и этого батальона) позиции 6-й батареи 13-го полка легкой артиллерии, командир этой (12-й) роты лейтенант Гефнер увидел следующее:

«Через гору Саксен как раз продвигалось несколько эшелонов английской пехоты при поддержке одного танка в направлении роши, что южнее оврага. Стоявшее поблизости орудие по тревоге роты было приведено в боевую готовность. Уже третий снаряд попал в цель, и танк ярко запылал под громкие крики «ура» всей роты, которая теперь направилась к указанной роше. Тем временем и неприятельская пехота приостановила свое наступление. Мы без боя достигли западной опушки роши, к которой справа примыкал 202-й рез. пехполк. Влево была развернута 11-я рота 479-го полка, которая в свою очередь снова также вошла в соприкосновение с частями 202-го рез. полка, так что разрыв между обеими дивизиями был закрыт. Подбитый танк был осматривен, несколько англичан, в числе коих и экипаж танка, было захвачено в плен. Унтерофицер Гертнер с несколькими людьми добровольно отправился в разведку за дорогу Морланкур-Шипилли, отогнал неприятельское охранение и привел с собой двух раненых англичан».

Упомянутые выше части 202-го рез. пехполка принадлежали к его I батальону, который находился на правом фланге группы, занимавшей гору Канал (стр. 55). На этом участке фронта кроме неприятельского артиллерийского огня и воздушных атак с самого утра больше ничего особенного не произошло. Когда после контратаки 27-й пехдивизии образовался прорыв к ее левому флангу, этот батальон в 18.00 получил приказ продвинуться на линию — западный берег оврага Кюхен — западная опушка роши, что южнее его, и восстановить связь с 27-й дивизией. Это означало сильную растяжку по фронту всех трех рот к северу настолько, что даже одновременное введение в дело 1-й роты I саперного батальона между III батальоном 137-го полка и I батальоном 202-го рез. полка не могло избавить от наличия разрывов на участках последних. В эти промежутки были выдвинуты 12-я и 11-я роты 479-го полка, в то время как правый фланг I батальона 202-го рез. полка даже вошел в соприкосновение с 7-й батареей 213-го полка легкой артиллерии. Главная выгода в этом продвижении 202-го рез. полка заключалась однако в том, что еще своевременно, перед вечерней атакой англичан, поставленные здесь орудия 3-й батареи 36-го полка тяжелой артиллерии, полубатареи 1-й батареи 6-го баварского полка тяжелой артиллерии и 9-й батареи 13-го полка легкой артиллерии получили пехотную поддержку, так что их отход мог быть быстро выполнен. Артиллеристы 1-й батареи 6-го баварского полка тяжелой артиллерии уже усердно поработали, когда противник шел в атаку.

«Раздался крик: «Танк!». Командир батареи поручик Мауснер приказал тотчас же стрелкам занять скат впереди орудий. Один танк выполз из леса Малард и не мог быть остановлен даже огнем нескольких пулеметов на скате за огневой позицией батареи. Посыльным бегуном было немедленно сообщено 7-й батарее 213-го полка легкой артиллерии, которая несколькими

остановила танк. Поручик Мауснер, лейтенант Гибсон и 5 артиллеристов бросились вперед, чтобы захватить в плен убегающую команду. При этом они нарвались на неприятельскую пехоту, следовавшую в тылом. Поручик Мауснер увлек всех за собой (части 3-й роты 202-го рез. — *Автор*) и захватил в плен 40 англичан и 1 пулемет. Остатки англичан побежали в находившийся метрах в 400 лес Малард и были преследуемы на 100. Так как однако опушка леса была занята значительными силами, группа Мауснера снова отошла назад. При осмотре танка поручик Мауснер был убит выстрелом из револьвера одним раненым англичанином» (смерть 1-й батареи 6-го баварского полка тяжелой артиллерии).

Это был последний боевой эпизод 8 августа севернее Соммы. На протяжении двух южных полков 27-й дивизии противник к вечеру не овладел целиком даже первой целью атаки, на участке же 124-го полка не сумел овладеть узкой полосой к востоку от первой цели.

Семичасовой бой не дал нам выигрыша территории, к которому мы стремились. Частично это нужно отнести за счет упорного сопротивления противника, который заслуживает полной похвалы (Монгомери, стр. 49).

После того как 2-я армия в 17.15 назначила Сомму новой разграничительной линией между LIV и XI корпусами, командование LIV корпуса назначило разгранлинией между 54-й резервной и 27-й пехотной дивизиями дорогу Корби-Бре. Соответственно этому ночью все очутившиеся севернее этой дороги пехотные части 27-й дивизии должны были быть выведены, а вся стоявшая южнее дороги артиллерия должна была быть отведена в район Бре. Вечером 27-й дивизии были подчинены 3 тяжелые батареи, зато артиллерию, принадлежавшую 107-й пехотной (213-й полк легкой артиллерии и 1-я батарея 6-го баварского полка тяжелой артиллерии), она должна была направить на южный берег Соммы. (Группировку пехоты на атакованном фронте севернее Соммы к концу боя — см. на схеме 2, стр. 70).

6) МЕЖДУ СОММОЙ И ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГОЙ АМЬЕН-ШОЛЬН

1. 43-я РЕЗЕРВНАЯ ДИВИЗИЯ

Севернее Соммы австралийцами были атакованы левофланговый полковой участок (202-й рез. пехполк) 43-й рез. дивизии, весь фронт 13-й дивизии, а также $\frac{2}{3}$ фронта 41-й дивизии. И здесь противник перешел к атаке одновременно с началом артиллерийского огня, и здесь было намечено продвижение скачками, но соответственно более удаленной конечной цели — не в 2, а в 3 этапа (3 последующие цели атаки указаны на карте 2). После достижения первой цели 3-й австралийской дивизией севернее и 2-й дивизией южнее (в 7.20) намечалась двухчасовая остановка, с окончанием которой дивизии 2-го эшелона (4-я на северном участке и 5-я на южном) должны были из-за флангов дивизий 1-го эшелона перейти в атаку для достижения 2-й и 3-й целей.

Обе дивизии 1-го эшелона атаковали, имея по 2 бригады в передовой линии. Каждой бригаде было придано по 12 тяжелых танков, т. е. в совокупности на 6-км фронте 48 танков прокладывало пехоте дорогу. О ходе боя на первом участке атаки Монгомери говорит (стр. 40—41):

Несмотря на сильный туман, который вместе с дымовыми снарядами создавал помеху от огневого артиллерийского вала затруднял сохранение направления атаки, атака все же была проведена с большим успехом. Сопротивление в общем было слабое; отдельные трудности представляли пулеметные гнезда и опорные пункты. Несколько храбрых немцев оказались вблизи

Варфюзе отчаянное сопротивление, однако, будучи охвачены с фланга и при помощи танков, они были быстро взяты в плен вместе с одной 15-мм батареей (включая ее офицеров).

Предполагалось, что овладение лесом Акрош (это группа лесов Шверинер, Капеллен и Нахтигаллен) составит трудную задачу. Однако внезапность настолько полностью удалась, а туман был настолько густой, что значительные силы, занимавшие этот лес, были подавлены и загнаны огненным валом в свои блиндажи, из которых они в большинстве случаев снова могли

Группировка пехоты севернее Соммы по окончании боя. 8 августа 1918 года

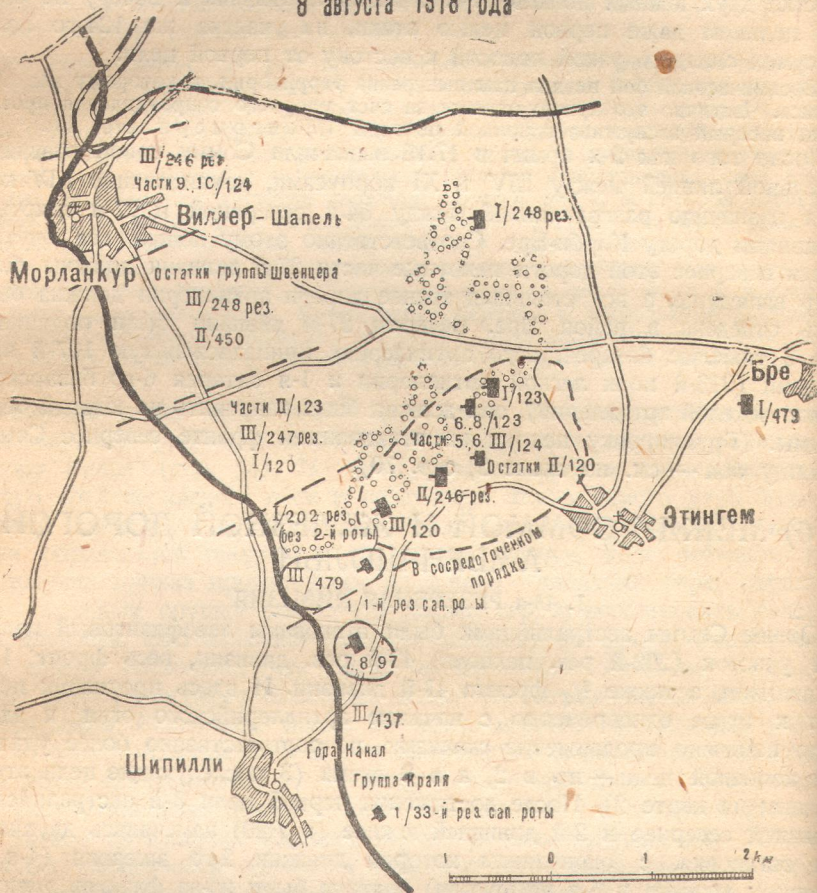

Схема 2

появиться лишь для того, чтобы сдать. На некоторых участках, где местность была пресеченнее, продвижение вперед шло более медленно, чем ожидалось, и пехота была не в состоянии следовать непосредственно за огненным валом. Однако вытекавшие отсюда опасности устранялись благодаря хорошей работе танков».

Таким образом противник по своему собственному признанию благодарит за свой успех главным образом туман, внезапность, танки и действия артиллерии. С этим можно полностью согласиться. Однако к этому следует еще добавить количественную слабость обороняющегося

неудовлетворительные укрепления его позиций и почти полное отсутствие германской артиллерии.

Близко к югу от Соммы III батальон 97-го полка в ночь 7 августа сменил уставшие в боях части передового батальона 202-го рез. полка и к великому разочарованию должен был констатировать, что здесь вообще отсутствует хоть сколько-нибудь укрепленная позиция; это было следствием того, что занимавшиеся до 4 июля у Гамель были сданы противнику и что потерявший в этих боях 10% своего состава 202-й рез. полк не мог быть сломен. Поэтому располагал таким незначительным количеством рабочей силы, мог произвести лишь самые необходимые сооружения (стр. 37). Занимал этот участок командир 202-го рез. пехполка.

Командир выдвинутой в боевое охранение на всем участке 11-й роты полка лейтенант Гроссе пишет:

Вечерняя боевого хранения тянулась по фронту почти на 1700 м, в роте было 64 человека. В ночь на 8 августа мне по моему предложению было поручено в качестве резерва одно отделение ручных пулеметов. Позиция, расположенная на переднем скате, состояла из ряда окопчиков на 2—3 человека; ходов сообщения, равно как и слабых препятствий, не было. При тумане утром 8 августа бойцы отдельных окопчиков не могли видеть друг друга. Когда внезапно начался сильный артиллерийский огонь, разрывов было видно, но все же можно было сразу же установить, что сначала ложился в ложину в 300—400 м впереди нашего участка. Одновременно через наши головы открылся сильный неприятельский пулеметный огонь. Наши посты, очевидно не были обнаружены. Через 10—15 минут огневой вал начал уходить дальше. Слышимый уже раньше шум танковых моторов стал усиливаться. Я отдал приказ открыть огонь, хотя противника из-за тумана не было видно. Когда я через короткое время прыгнул в мой окопчик, чтобы подготовить посыльного к командиру батальона, из моих бойцов крикнул мне: «Томми здесь!». Я тотчас же подал команду: «Ручные гранаты», вытащил свой пистолет и хотел было выскочить из своего окопчика, но 15—20 австралийцев уже стояли у моего окопчика поднятыми для бросания гранат руками».

На переднем крае располагались справа 10-я рота (2 офицера, 1 унтер-офицер и около 56 солдат, 5 ручных пулеметов), усиленная взводом пулеметной роты от долины р. Соммы до дороги Серизи-Гамель включительно, и южнее вплотную примыкала 12-я рота. На этом переднем крае были лишь отдельные, правда, хорошо устроенные пулеметные позиции.

Лейтенант Кнапс, командир правой (10-й) роты в своих записках пишет:

Мой предшественник при передаче участка сказал мне, что они в последнее время слышали шум танковых моторов. Поэтому я тотчас же приказал им поставить 2 противотанковые мины на полевой дороге в 50 м впереди пулеметного взвода, а также на полевой дороге южнее хутора Гелли. Для связи с ротой, расположенной севернее Соммы, через паром на канале Соммы (впадении в него р. Соммы) было послано отделение с 1 ручным пулеметом под командой лейтенанта Бюргерс, причем это отделение оттуда должно было вести фланговый огонь впереди ротного района. Рано утром 8 августа я подготовился, чтобы проводить командира батальона через позицию, но я успел дойти лишь до пулеметного взвода. Вдруг начался страшный ураганный огонь. Я тотчас же побежал обратно к хутору (Гелли), при нахождении там в резерве пулеметам изготовиться и взобраться на крышу дома, чтобы иметь лучшее наблюдение. Однако туман поднялся еще настолько, что ничего не было видно в трех шагах. Теперь стал слышен шум моторов, и я отдал приказ о немедленном открытии огня.

В общем грохоте мы вдруг несколько сзади, по ту сторону Соммы, услышали крики на английском языке. Тогда я приказал резервным пулеметам вести огонь по мосту на Сомме, так как англичане пытались через полуразрушенный мост охватить нас и выйти нам в тыл.

Волна ураганного огня передвигалась к востоку и по нам уже велся огонь из пулеметов и малокалиберных танковых пушек подходившими танками, которых мы однако не могли видеть. Этот огонь нам не причинял вреда, так как пули и снаряды пролетали слишком высоко. Рота продолжала упорно стрелять. Мимо пулеметного взвода прошел большой танк, который подошел к полевой дороге, но к нашему несчастью не задев противотанковых мин.

Наш пулеметный огонь, направленный по мосту у Селли, привлек к нам внимание прорвавшегося справа от нас противника. Англичане бросились на нас с тыла, а новые австралийские части и танки атаковали с фронта. Мы проклинали туман, препятствовавший наблюдению, и оборонялись до последней степени. И все же против наступавшей массы мы были бессильны. Почему же не стреляла наша артиллерия? Была ли она полностью подавлена артиллерией противника? Это вполне возможно, так как когда мы, уже будучи захвачены в плен, были отведены назад, мы увидели позади неприятельских позиций такое бесчисленное множество орудий от легких до самых крупных калибров, стоявших на огневых позициях с небольшими интервалами, что нас охватил ужас. Против такой массы техники конечно всякая личная храбрость была бесполезна. Однако мы также видели, как направлялось в тыл большое количество тяжело раненых австралийцев. Это было наше удовлетворение: наш огонь в тумане велся не напрасно.

Также и командир 12-й роты лейтенант Гербст к началу неприятельского артиллерийского огня находился на левом фланге своей позиции в ожидании командира батальона, в то время как его резерв, состоявший из одного стрелкового отделения, лежал у перекрестка дорог в 800 южнее Селли. Он сообщает:

«Вначале спереди ничего не было слышно. Однако нас беспокоил шум моторов; мы убедились, что он исходил от танков, подходивших по дороге Гамель-Серизи, и что этот шум должен был заглушаться самолетами. Когда артиллерийский огонь был перенесен дальше, я с унтер-офицером Каде и моим посыльным отправился на перекресток дорог, чтобы отвести резервное отделение со связками ручных гранат на дорогу. Затрещавшие бронебойные пули еще не прибыли. Когда мы подошли к перекрестку дорог, мы были на мгновение ошеломлены. Из окопов, в которых лежало отделение, шел дым. Моих людей, а также находившихся здесь австралийских наблюдателей уже не было. Тут мой вестовой вышел из дыма и доложил, что появившиеся справа австралийцы забросали их зажигательными гранатами; все, кто находился кроме него в окопе, уже захвачены в плен. Противник пошел дальше в направлении командного пункта командира батальона. Моей первой мыслью был командир батальона. В этот момент несколько групп австралийцев, также подошедших справа вплотную к позиции, закричало: «Руки вверх!». Я выхватил пистолет, но унтер-офицер взял меня за руку и сказал: «Г. лейтенант, это не имеет никакого смысла, ибо мы будем сейчас же уничтожены, а у меня жена и дети!» И он знает, почему эти слова поколебали меня, и я решил сопротивляться, оказывая. Нас повели на запад... С германской стороны уже не было никакого артиллерийского огня, но вначале артиллерия видимо стреляла, как нередко были небольшие воронки, вокруг которых лежали трупы или раненые австралийцы».

Для противника не представляло никакой трудности быстро сломать сопротивление 11-й роты, растянутой по фронту по меньшей мере на 1600 м. Ее посты были расположены на всем протяжении с интервалами не меньше 60 м, через которые танки и много ударных групп могли проскочить, оставшись незамеченными. Даже там, где австралийцы в нескольких шагах наткнулись на посты боевого охранения,

ли мог произойти какой-либо значительный бой, ибо для их выполнения требовалось всего несколько секунд. Ни один человек из этого охранения не вернулся, чтобы предупредить роты на переднем обороне, и отдельные выстрелы, которые возможно впереди были изведены 11-й ротой, могли были быть 10-й и 12-й ротами не услышаны в общем грохоте разрывов огневого вала. Таким образом становится ясным, что дело до серьезного боя на переднем крае обороны не шло. В то время как 10-я рота после короткого огня в туман была атакована одновременной атакой с фронта и с правого фланга, 12-я рота вообще не имела времени для оказания какого-либо сопротивления, так что даже стоявшая позади нее 9-я рота была полностью захвачена в плен. Ее командир лейтенант Тербергер, лежавший с небольшим резервом согласно приказу в убежище командира батальона, сообщал:

Через некоторое время огневой вал прошел через наш овраг. С моей стороны, лежавшей около 75 м впереди, я имел через посты связь голосом. Однако пост, стоявший в нескольких метрах от нас, на опушке кустарника, неизменно доносил: изменений нет! И в действительности впереди нас господствовало полное спокойствие; это были минутные минуты. Справа от нас через несколько секунд стал слышен все усилившийся шум боя. В искусственно усиленном тумане ничего не было видно, однако вскоре мы услышали шум моторов, который приняли за шум неприятельских самолетов.

О событиях здесь, у убежища командира батальона, сообщает командир 3-й пульроты лейтенант Баллес:

Все спешили в овраг, где командир батальона, капитан Шенинг отдавал приказ для обороны. Телефонная связь и связь через землю прервались, следовательно не поступало никаких донесений. Все попытки восстановить связь были напрасны. Высылавшиеся посыльные не возвращались. В эти минуты царили неуверенность и неясность в обстановке. Огневой вал планомерно продвигается. Вдруг несколько снарядов разорвалось в овраге, затем отдался пехотный огонь, а мы пребываем в неизвестности, где находится противник, откуда он появится. Наша небольшая группка уменьшилась: нас осталось еще около 15 человек на огневой позиции в овраге. Капитан Шенинг остался слева от меня с пистолетом в руке, весь бледный, но спокойный и вполне владея собой. Внезапно слева совсем близко послышалось глухое гудение, похожее на шум пропеллера; все было подобно звуку высоко летящих самолетов; ничего не видно; с близкого расстояния смертельные выстрелы. Теперь позади нас пулеметная трескотня, впереди появляющиеся — сначала одиночные, затем одни за другими целыми рядами, плоские снаряды — значит Томми! «Ни с места, стойко держаться, стрелять, ни шагу назад, чего бы это ни стоило!» Сейчас же справа и слева раздались выстрелы, говорили неприятельские пулеметы сзади нас. Мы стреляли во все стороны. Вдруг капитан Шенинг падает раненый сзади в живот. Теперь нас осталось всего 5 человек, остальные убиты или ранены. Однако Томми видимо имели приказ наступать вперед, оставив недобитые точки резервам. Благодаря этому наступило некоторое спокойствие.

Заволнованные мы залегли в засаде в надежде, что скоро сзади последует контратака. Так пролежали мы почти полчаса, не зная, что потеряно куда противник прорвался. А что он прорвался, об этом можно было узнать по огню позади нас и по передвигавшимся цепям, которые мы в тумане справа от нас видели. Само собой разумеется, что мы, несколько человек, уложили противника столько, сколько лишь смогли.

Внезапно справа от нас, метрах в 40, вынырнула цепь, и мы отчетливо увидели у каждого третьего, четвертого человека за плечами пулемет Льюиса. Лейтенант, они идут!», — крикнули посыльные Кениг и Браун, и тут же раздались первые выстрелы. Некоторые Томми упали на землю, остальные бежали на нас. Мы забрасывали их ручными гранатами до тех пор, пока

они не подошли совсем близко; когда они бросились в штыки и мы вчетвером остались против целой роты, я крикнул: «В убежище!»

Таким образом и эта группа была уничтожена. Капитан Шенинг после полученной им тяжелой раны вскоре скончался. Лейтенант Тербергер был уже раньше в этом овраге взят в плен и с одним своим раненым спутником убежал из плена, но затем вторично был схвачен «шайкой пьющих австралийцев» и ограблен. Однако противник не особенно позаботился о нем, так что он снова попытался найти свою роту.

«Тогда мы, — пишет он, — были на расстоянии 30—40 м окликнуты немцами и заметили несколько влево от себя группу людей в наших стальных шлемах с одним пулеметом в боевом положении, выделявшихся на фоне поля. После короткого оклика мы хотели поскорее, насколько можно было с раненым, прорваться к ним, но в это время справа от нас к нам подскочила как будто выросшая из-под земли группа австралийцев с пулеметами Льюиса. Было уже невозможно добраться до гнезда, но противник повидимому еще не заметил. Мы были снова обысканы и затем отпущены на запад. Тут наш пулемет открыл огонь, и мы имели удовольствие видеть, как немцы начали кувыраться».

Однако этот эпизод разыгрался уже в окружении подходивших неприятельских резервов, которые бросились со всех сторон на огонь пулеметного гнезда и покончили с ним.

Что же мог теперь делать ударный батальон и что он сделал? Он подошел лишь в ночь на 8 августа, участка не знал и днем его вообще еще не видел. При этом командир ударного батальона располагал лишь 2-й и 1-й ротами, остальные части были в полковом резерве. Вначале и к нему от командира батальона первой линии не поступало никаких сведений. В то время, когда он еще раздумывал, что в этом тумане делать, началась ли уже атака, когда и в каком направлении пустить свои обе роты, первые танки уже появились в непосредственной близости от него. Лейтенант Лидинг, офицер для поручений при командире ударного батальона, заметил в своем дневнике:

«Когда я вызвал штаб полка и передал: «Тревога, противник атакует перед нашим блиндажем стоит танк», — мне кто-то ответил: «Друг, это вам приснилось!» В этот момент связь порвалась».

Тогда танк с сильным шумом пошел дальше, стреляя во все стороны пулеметов и малокалиберных орудий, и исчез в естественном и искусственном тумане. Мы с нашими посыльными и телефонистами заняли небольшой скат на котором был устроен наш блиндаж. Кроме нескольких винтовок мы имели еще один пулемет, и при нас же был начальник пулемета. Лишь теперь пришли посыльные от батальона первой линии и от передних рот: противник прорвался; капитан Шенинг убит.

Поручик Шпенглер, командир 1-й роты 97-го стр. полка, командовавший ударным батальоном, теперь понял, что мы не сможем удержать скат, и приказал пулемету перейти в ближайшее пулеметное гнездо, в песчаную яму¹. Адъютант лейтенант Бергеров пошел еще раз в блиндаж, чтобы сжег карты, приказы и т. п. Оттуда он уже не возвратился, так как немцы успели уже войти туда через другой вход.

В песчаной яме кроме Шпенглера, начальника пулемета с пулеметом и меня очутились еще один посыльный. Остальные пали под пулеметным огнем открытым по нам как раз в это время прорвавшимся противником. После за нами сюда из левого соседнего полка пришел еще один капитан с двумя пулеметами и несколькими людьми (стр. 82). Он взял на себя командование. Все 3 пулемета были поставлены на позиции в разных направлениях, каждый под командой офицера. Вначале мы открыли огонь по большому количеству танков, которые проходили мимо нас на расстоянии 10—20 м. Та

¹ Вероятно юго-западнее Серизи (карта 2).

не могли справиться с их толстой броней, мы оставили их в покое и продолжали прямо свой путь) и направили свой огонь на появившихся в тумане Томми, часть которых была уничтожена, а остальные принуждены отойти назад. Так прошло много времени, в течение которого мы успокаивали: сейчас должна притти и наверное придет поддержка. У моего пулемета кончились патроны, и на правом фланге раздался выстрел (подходившего нового танка. За ним следовали густые толпы австралийцев. Я повел Шпенглера к среднему пулемету и показал направо. В этот момент он был поражен. Тогда противник бросился на него и его пулемет. Третий пулемет, у которого был капитан, теперь также замолчал).

Лейтенант Лидинг использовал момент, когда противник занялся пулеметом поручика Шпенглера, и бросился в туман искать связи с 3-й ротой.

Из 2-й роты 97-го полка не было никаких сведений, но в ее районе слышен интенсивный бой. 1-я рота еще до появления танков или пехоты получила сведения о начале атаки.

Рота тотчас же развернулась, но огня мы еще не могли открыть, так как в это время спереди подходили свои люди.

Они были задержаны, чтобы усилить нашу позицию. Наконец метрах в 30 от нас появились английские шлемы. — «Огонь!» Как наши храбрые бойцы, особенно пулеметы, стреляли! Противник моментально ответил на огонь. Благодаря небольшой дистанции обе стороны понесли большие потери.

Внезапно на левом фланге появился один танк. Пулеметы открыли по нему огонь, но он, несколько этим не беспокоясь, спокойно пополз дальше, вышел на левому взводу и открыл из своего пулемета огонь по всей роте (по приказу лейтенанта Геймера командира 1-й роты 97-го полка).

Все, что от этой роты осталось, отошло к командиру батальона или к 3-й и 4-й ротам, все время ускользая по дороге к ним от встречи с вражескими танками, которые уже находились позади их прежней позиции.

Из всех приведенных выдержек необходимо заключить, что по обеим сторонам дороги Гамель-Серизи рано утром прошла сильная группа танков и без значительной задержки добралась до первого района расположения группы Шпенглера, где танки разделились, чтобы свернуть через Серизи на Моркур, так и в овраг Лазарет. Кроме того другой группой танков, которая шла через высоту Девиц немного позднее, должно было удалась пробраться в балку Бухгейль, так что части, расположенные на высоте Девиц и севернее ее, были охвачены с обеих флангов танками и следовавшей непосредственно за ними пехотой. Таким образом и фронтальная атака также непрерывно продолжалась. Оставшиеся после первого эшелона очаги сопротивления были добиты последующими эшелонами атакующего. В 7.20 противник на участке 97-го полка достиг своей первой цели. Весьма вероятно, что танки, а также пехота, испытывавшие неожиданно быстрое развитие атаки, к этому моменту уже прорвались до Серизи и закрепились на восточном скате балки Лазарет. Если бы противник соответственно приказу сделал по достижении первой цели двухчасовую остановку, то он был бы обнаружен, прежде чем успел выстрелить две стоявшие в балке Бухгейм батареи (7-я и 2-я 43-го полка артиллерии). Однако эти последние уже раньше оказались в наших руках. Но теперь после окончания боя не только III батальоном, но и 2-й и 1-й ротами 97-го полка наступила пауза, которая оказалась благоприятной для 3-й и 4-й рот 97-го полка, стоявших на скате, прилепившемся вплотную к дороге Моркур-Серизи. Здесь собрались все.

отходившие с фронта, кому не удалось уйти через Серизи на северный берег Соммы. Важными факторами для этого боя были как присутствие здесь еще неуспешного смениться штаба 202-го рез. пехполка, так и постепенно перенесенная сюда с северного берега Соммы артиллерийская поддержка.

Майор Кульвейн фон Ратенов командир 202-го рез. пехполка сообщает:

«Около 7.00 с фронта были получены первые сведения, согласно которым противник на нашем участке и на фронте соседней слева дивизии прорвался через передний край и с большим количеством танков и следующей за ними пехотой находится поблизости от командного пункта полка. Первоначально возникшая тревога была быстро ликвидирована путем организации сопротивления. Оба энергичные офицеры для поручений при штабе — лейтенант Флах и лейтенант Отто — были распределены по позициям. Стоявшая до сего времени на позициях пулеметная рота 201-го рез. полка, сменившая как раз в этот момент, пришла более чем кстати и была тотчас же поставлена на позиции; она мне потом оказала неоценимую услугу.

Едва успели 3-я и 4-я роты 97-го полка и эта пулеметная рота занять позиции, как уже перед нами и на правом фланге в непосредственной близости появились танки. Вначале возникла опасность наступления танковой паники, однако ободряющие слова и действия пулеметов способствовали предотвращению этого.

И когда почти одновременно огнем наших пулеметов и связками ручных гранат сначала два, а затем еще два танка были подожжены и остановлены, то на первое время опасность миновала.

Однако затем мы к сожалению были охвачены на нашем открытом левом фланге, где соседняя дивизия отошла назад поспешнее, чем мы. Танки остановились там, где уже не было никаких частей, на гребне высокого ската, и открыли из пушек и пулеметов фланговый огонь по моей позиции. Я вскоре понял, что дальнейшее сопротивление бесполезно, поскольку у нас отсутствовала артиллерийская поддержка. До сего времени я считал своим долгом держаться передовой позиции до последнего момента в расчете, что таким путем при последующем введении резервов неприятельская атака может быть остановлена. Но так как никаких резервов больше не было, было никакого смысла бесполезно приносить в жертву 100 человек. Остаток в течение нескольких часов оборонялись с упорством, какое они только могли проявить.

Сначала я отвел пулеметную роту 201-го рез. полка назад на канаву Соммы, чтобы прикрывать отход. Затем в 10.20 я отдал приказ на отход. Было очень трудно отходить через совершенно открытый луг шириной свыше 500 м. Много храбрых бойцов было здесь убито. И все же ют в конце концов был проведен гораздо благоприятнее, чем я смел надеяться. Противник своей пехотой вышел на высоту так поздно, что он уже не мог нам больше причинить много вреда».

Похвальные слова майора фон Кульвейн в отношении не подчиненных ему частей позволяют определить, что настроение и боевой дух роты 201-го рез. полка и 97-го полка еще находились на большой высоте. Лейтенант Имиг командир указанной здесь 3-й роты 97-го полка говорит об этом и об отдельных эпизодах боя на гребне этого склона следующее:

«Настроение бойцов было хорошее, дух все еще держался старый. Неустрашимые бойцы из пришедшего пополнения были вскоре снова заняты. Говорили просто: «Г. лейтенант, этот человек нам не подходит». Офицеры и солдаты ели лишь то, что давала полевая кухня.

Отдых до 7 августа был к сожалению испорчен непогодой. Неприятельские летчики осыпали нас листовками.

7 августа пополудни мы выступили на фронт. Что впереди потерпевший день должен был внести во все вопросы полную ясность. Мы о чем не подозревали и чувствовали абсолютное спокойствие и облегчение.

Спокойно влезли мы в пункты нашего сосредоточения (штольни и угольные ямы у подножия ската). Во сне перед утром мне показалось, что я слышал неоднократно раздававшийся орудийный огонь, но я проснулся только тогда, когда ко мне вскочил унтерофицер Дитринг с криком: «Англичане прорвали фронт и должны сейчас быть здесь!». Тогда я быстро надел сапоги и мундир, нахлобучил стальной шлем, схватил пояс и пистолет, поднял часть по тревоге и занял верхний гребень ската. В густом, видимо искусственно усиленном тумане ничего нельзя было видеть в 20 шагах от себя, а в громе орудийной стрельбы, в свисте и треске снарядов нельзя было понять своих собственных слов. Но вот мы услыхали со стороны Серизи в нашем тылу, на дороге и у подошвы ската, трещание подходившего танка. Мы переменили фронт и расположились на верхнем гребне ската. Напрасно напрягали мы наши глаза, чтобы заглянуть за стену тумана. Внизу на дороге бешено трещали наши оба тяжелых пулемета; танк беспрерывно стрелял из мелкокалиберных пушек и пулеметов, однако стал отходить на Серизи. Поднятым шумом были разбужены последние продолжавшие спать в убежищах люди, которые, карабкаясь по скату, прибежали к нам, лишь некоторые разбежались. Мы снова переменили фронт и организовали впереди напряженную разведку. Противник осыпал нас гранатным огнем, не причиняя нам однако на наших отличных позициях много вреда. Осколки разрывавшихся перед нами снарядов пролетали поверх нас, а шипевшие непосредственно над нашими головами гранаты падали вниз, на Сомме, поднимая столбы грязи и воды высотой с дом. Самолеты противника спускались на высоту до 20 м и трещали по нас из своих пулеметов; был сплошной ад. Вдруг перед нами вынырнул выглядевший в тумане гигантом танк, который стал медленно ползти вперед, беспрерывно стреляя из своих малокалиберных пушек и треща своими пулеметами. Насколько позволяли наши средства, мы отвечали ему тем же, однако все пули без всякой пользы рикошетировали, и мы не могли его остановить. Теперь он подошел к нам вплотную; мы оттянули пулеметы назад и плотно прижались к верхнему гребню ската; танк был совсем перед нами и шел прямо через головы наших бойцов, еще метры и он перекатится через гребень. Однако командир танка очевидно уяснил обстановку, шипя, мотор снова пришел в движение, чудовище медленно поползло назад и исчезло в дыму и тумане. Быстро изготовились мы снова к открытию огня, но ожидавшая пехота не показывалась, перед глазами не было никаких целей.

От командира 202-го рез. полка пришел приказ выслать на Серизи разведку. Унтерофицеры Дитрих, Антон и Мюллер вызвались идти добровольно. Поручик Шпенглер, который дрался где-то впереди нас, прислал за подкреплением. Я послал ему 2 легкопулеметные группы, которые скрылись в тумане. Дозор Дитриха вернулся. Он нашел Серизи еще не занятой пехотой противника, но на противоположной окраине селения нарвался на два неприятельских танка и, будучи преследуем огнем последних, невредимым прошел обратно через полосу гранатного огня, который велся по селению. Перед нами снова появился один танк и остановился на расстоянии почти 50 м. Унтер-офицер Антон подозревал меня: «Этот не может дальше двигаться: у него стал мотор!». Опытное ухо Антона (он был механик из Лудвейлер под Саарбрюкен) несмотря на грохот боя уловило тщетные попытки командира танка снова привести мотор в движение. Мы обстреляли пулеметным огнем обращенный к нам и стрелявший боевой борт танка и достигли желаемого действия; одна из наших пуль попала в ствол танкового пулемета и разорвала его дульную часть. Другие пули видимо попали в ствол малокалиберной пушки, так как и она замолчала. Теперь вперед! Антон соединил вместе и связал пару ручных гранат, мы стояли перед бронированным чудовищем, лихорадочно ища его уязвимое место. Антон взобрался наверх и заглянул через один открытый люк в искаженные лица экипажа. Прежде чем он однако успел швырнуть туда свой заряд, люк был закрыт. Мы упали на землю, Антон зажег трубку своего заряда и бросил его на крышку танка; к сожалению заряд не взорвался. К счастью здесь оказалось еще несколько ручных гранат; третья или четвертая взорвалась и детонировала также все остальные. Получился страшный взрыв, в танке затрещало пламя, и сбоку сорвался люк. С горящим платьем экипаж выскочил из танка и начал, катаясь по земле, кричать от боли. Также и спереди сорвался люк, из которого, также крича от боли, показался командир танка. Сильные руки выхватили его оттуда и потушили

на нем огонь. Я вынужден был оставить пару особенно сильно возбужденных и раздраженных людей, схватившихся было за оружие. «Офицер, офицер!», — умоляюще закричал один. Пленные были отнесены вниз по скату в штольную и перевязаны. В танке беспрерывно трещали горевшие огнеприпасы, и оттуда вырывались клубы сильного дыма. Неприятельской пехоты все еще не было видно, лишь довольно сильный огонь велся спереди из-за стены тумана, причинявший нам все большие и большие потери. Появившийся новый танк пошел параллельно верхнему гребню ската, ведя очень сильный огонь. Мы также открыли огонь, но к сожалению без успеха. Пулеметчик Принц оставил свой расстрелянный ручной пулемет и бросился к станковому, у которого расчет был перебит или переранен. Унтер-офицер Антон поднес патроны, и новый град пуль затрещал по броневым стенкам. Тогда внезапно экипаж выскочил из танка и попытался занять позицию позади него, однако был тотчас же подавлен находившимися тут же нашими бойцами...

И этот танк загорелся. Несмотря на этот успех, сильно воскресивший в чистях бодрость и боевой дух, позицию удержать не удалось.

Итак здесь речь шла исключительно о бое с танками и самолетами противника. Не являются ли 4 подбитых танка теми же, которые батареи на северном берегу Соммы считали своими жергвами? Вряд ли! Так как несомненно части 97-го полка в этом случае должны были бы заметить гранатный огонь и не решились бы подойти так близко к танкам, если бы они обстреливались артиллерией. Могло ли сосредоточиться так много танков на этом одном месте? Это безусловно возможно, ибо если в первый этап боя каждому австралийскому полку было придано лишь 12 танков, то во второй этап боя, а он тогда как раз наступил, это число значительно увеличилось, так как каждой из двух вновь введенных здесь австралийских дивизий было придано еще по 30 тяжелых танков. Следовательно пораженные артиллерией танки находились ближе к Серизи и гораздо западнее, в районе, который группа Кульвейна даже после того, как туман рассеялся, плохо просматривала, так как овраг Лазарет находился для нее в мертвом пространстве. Но что пехота противника не подошла и что группе Кульвейна вообще удался отход через долину р. Соммы на Мерикур, за это она, сама того не зная, должна благодарить лишь эту артиллерию.

Поддержка III и половины I батальонов 97-го полка со стороны расположенной на их участках артиллерии могла быть оказана лишь в слабой степени, так как, не говоря уже об обусловленной туманом неизвестности в отношении направления огня, здесь стояли лишь 3 легких батареи и 13 тяжелых орудий 43-й рез. дивизии. Их позиции были противнику известны и обстреливались сильным огнем. 8-я батарея 4-го рез. полка тяжелой артиллерии должна была преждевременно замолчать, так как все ее орудия вышли из строя. 7-я батарея 43-го рез. полка легкой артиллерии время от времени подавлялась огнем одного танка, 2-я батарея того же полка видимо также сильно пострадала от неприятельского огня. Нигде не могло спастись ни одно орудие. В 10.20 бой на участке 202-го рез. полка прекратился, вся артиллерия была расстроена и попала в руки к противнику.

2. 13-я ПЕХОТНАЯ ДИВИЗИЯ

Один лишь взгляд на схему расположения 13-й пехдивизии,¹ может каждому, кто лично не видел этого участка, доставить полное удовле-

¹ Расположение, показанное на карте 2, точно соответствует официальным документам дивизии (масштаб 1:25 000).

творение. Здесь имелась сразу же за передовыми постами сплошная линия удобных для обороны местных предметов и еще дальше в лесу одна линия таких же укреплений. Следующим рубежом служила линия сопротивления боевого охранения, лежавшая ниже главной линии сопротивления, передний край которой проходил по линии господствующих высот. Между этим рубежом и очень удачно выбранными на обратном скате артиллерийскими запасными огневыми позициями находились еще 3 сильных опорных пункта на крутых обочинах дороги Селли-Варфюзе. Если к тому же учесть многочисленные пулеметные гнезда и минометные позиции, разбросанные на всю глубину расположения, и что все было окутано проволочными заграждениями, а обороняющиеся части разместились в значительном количестве блиндажей, то можно было прийти к убеждению: 6 батальонов в первой и во второй линиях дивизии безусловно были в состоянии удержать этот не слишком широкий участок даже в том случае, если австралийцы снова атаковали бы с такой же силой, как 4 июля (стр. 35).

Однако не было ли уж слишком много пехоты в боевом охранении и напротив слишком мало на переднем крае и позади него? Тем более, что правило обороны учит, что если мы хотим противопоставить противнику по мере его продвижения вперед все время нарастающее сопротивление, то нужно в боевом охранении иметь лишь слабые посты, за ними более сильные группы и наконец на линии главного сопротивления главную массу обороняющихся войск, перед которыми атака должна задержаться. Здесь же однако все было почти наоборот: на линии сопротивления боевого охранения и впереди нас было 13 рот, на линии главного сопротивления и в глубине — 11 рот. Причину этого можно легко найти. При активной деятельности ударных частей австралийцев часто передовые посты атаковывались во фланг и захватывались в плен. Для того чтобы воспрепятствовать этому, нужно было, чтобы промежутки между постами были небольшие и чтобы тут же вблизи стояли готовые ударные части, которые смогли бы быстро прогнать противника. Кроме того, чтобы удержать закрытую лесную местность, необходимо было в боевом охранении иметь достаточные обороняющиеся силы. Для этого 7½ слабых рот, растянутых на фронте в 3000 м, было вряд ли достаточно; отмеченные на карте жирным красным цветом прямоугольники легко дают обманчивое представление о сильных и компактных боевых группах там, где в действительности были расположены в лучшем случае 8—12 человек с одним ручным пулеметом; остальное было наряжено на посты, на разведку, на работы, на доставку пищи и т. д. Такая пропорция сил впереди естественно была дана за счет ослабления сил на последующей линии, которая в свою очередь могла быть усилена лишь за счет отдохнувших батальонов, те части, которые в лучшем случае были «способны выполнять оборонительные задачи лишь на спокойном участке фронта», не могли выстоять на короткий отдых единственного батальона.

Однако удовлетворительность схемы расположения весьма основательно изменится, если учесть действительное состояние оборонительных сооружений. Из показанного здесь на бумаге большей частью вообще ничего не существовало. С ужасом можно смотреть на картину, изображенную на схеме 3, показывающую участок 55-го пехполка. В других полках положение ничем существенным не отличалось.

Условные знаки:

х-х-х Розетка

хххх Сплошная проволока в 1 ряд

○○○○ Проволочные спирали

тгтг Убежища

тгтг Убежища начатые постройкой

●● Одиночные окопчики

~ Стрелковые окопы

--- Участки окопов

⊙ Оборудование пулеметн. гнезда
и пулем. позиции

Состояние оборудования пехотных позиций на участке

I батальона 55-го рез. пех. полка

8 августа 1918 года

250 0 250 500 м

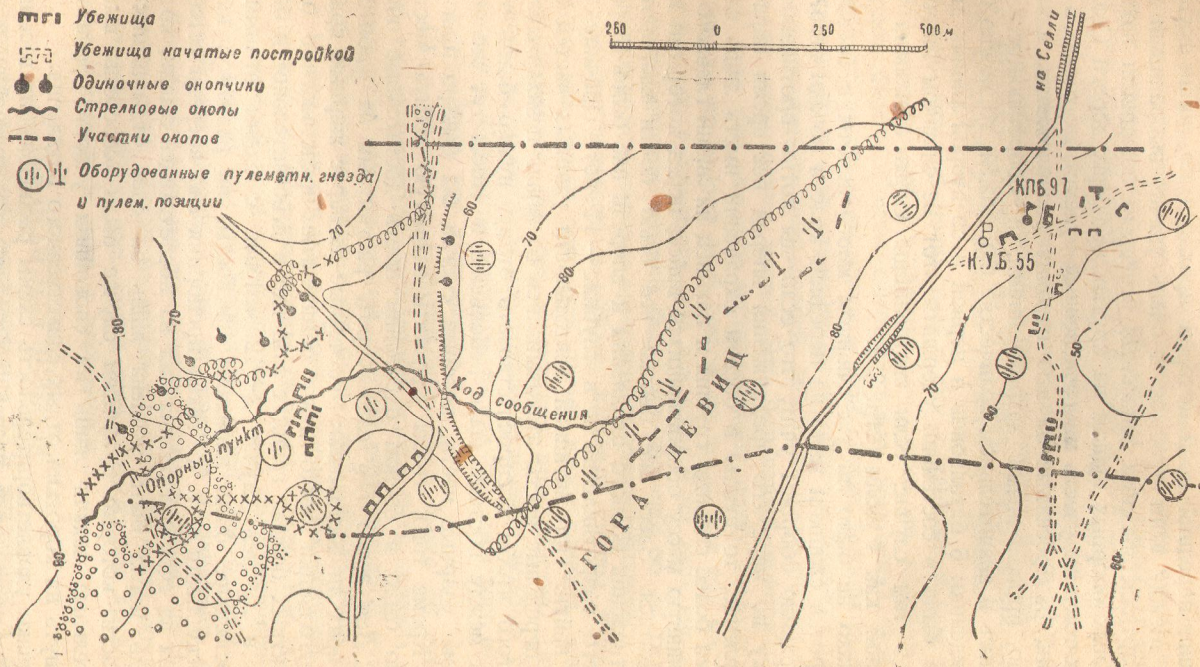

Схема 3

Главная позиция сопротивления боевого охранения, где запасные позиции артиллерии? Жалкие проволочные заграждения, главная позиция сопротивления состоит лишь из нескольких окопных участков и шести пулеметных гнезд, имеется один единственный ход сообщения с передним краем линий!

Командование дивизии относительно управления боем приказало следующее:

Когда возникает опасность, что боевое охранение может быть отрезано, оно должно отойти на главную линию сопротивления, которую безудержно необходимо удерживать или снова захватить с линии запасных позиций артиллерии. Этот контрудар однако должен последовать настолько заблаговременно, чтобы он уже начался, когда противник приблизится к переднему краю обороны.

Короче и яснее эту в общем правильную установку выразить нельзя. Однако что случится, если указанная опасность не будет своевременно устранена и поэтому контрудар нельзя будет своевременно начать? Когда ровно одна треть или даже половина пехоты выпадет из боя на переднем крае, и противник достигнет его до контрудара. А опасность того, что боевое охранение может быть отрезано, была особенно сильна главным образом на участке III батальона 55-го полка, так как расстояние до позиции от западного ската балки Небель к восточному скату оврага Вутенау давало противнику возможность с севера через этот овраг атаковать во фланг 3 передовые роты, если овраг Вутенау не будет заперт сильным артиллерийским огнем, в особенности для танков. Чем меньше лесистая местность позволяла прикрытие танков, тем больше противник должен пытаться охватить танками эту местность с севера и с юга. И это он сделал довольно основательно.

Также и в отношении артиллерии не все было так благополучно устроено, как это по схеме можно предположить. Благодаря предыдущему действию неприятельской артиллерии батареи 58-го полка легкой артиллерии имели в своем составе не положенные им 36 орудий, а лишь 27. Еще хуже было положение в тяжелой артиллерии: 1-я, 2-я и 3-я батареи 151-го полка тяжелой артиллерии имели вместо 12 только 7 действующих орудий, 6-я батарея 7-го полка тяжелой артиллерии — 3 орудия и вновь введенная в дело лишь в последнюю ночь 3-я батарея 151-го полка тяжелой артиллерии — 2, которые однако еще не были простреляны; таким образом лишь 10 тяжелых орудий могли вести огонь.

Само собою разумеется и в этой дивизии также прошло очень много времени, пока все батареи открыли уничтожающий огонь. Что этот огонь при недостатке многих орудий не мог быть особенно действительным и непрерывным, это было неизбежно. Однако особенно несчастным было то, что как раз в обеих северных легких батареях (9-й и 58-го полка легкой артиллерии) к 5.30 вышли из строя по 2 орудия из трех, так что артиллерийская поддержка наиболее слабой части фронта дивизии (участок III батальона 55-го полка) была весьма незначительна. Во всяком случае о каком-либо удовлетворительном заградительном огне по оврагу Вутенау не могло быть и речи.

Таким образом неприятельские танки имели возможность беспрепятственно выйти во фланг III батальону 55-го полка. Вследствие этого

судьба не только обеих передовых рот, но также и частей этого батальона, расположенных в глубине, должна была очень быстро решиться. В то время как первые атакой, поведенной непосредственно вслед за началом ураганного артиллерийского огня, были настолько захвачены врасплох, что в 11-й и 9-й ротах вообще не было слышно никакого пехотного боя,—последние сразу же оказались охваченными атаковавшими с фланга танками.

«Внезапность атаки передовой линии была такая, что атака пехоты началась одновременно с тем, когда артиллерийский огонь еще велся по передовой линии. Командный пункт командира батальона находился еще под сильнейшим огнем, когда стрелковые цепи как призраки уже стояли перед нами. Люди из передовой линии, насколько я мог наблюдать, назад не возвратились» (доклад адъютанта III батальона 55-го полка лейтенанта Нолес, единственного офицера батальона, который возвратился).

Об участии 11-й роты краткое пояснение даст сообщение ее командира лейтенанта Гофкен:

«Как только огонь был перенесен дальше, большое число танков пошло через склоны долины в атаку, так что мы сразу же были полностью окружены».

То же самое говорит командир 9-й роты 55-го полка лейтенант Гохмут:

«Едва только огонь начал переноситься далее назад, мы сразу же услышали движение танков. Короткое время мы вели огонь прямо в туман по предполагаемым целям, однако сразу должны были от этого отказаться, так как это не имело никакого смысла, и мы не хотели ставить под угрозу нашего огня свои же части».

Батальон целиком, без остатка был взят в плен, командир 12-й роты убит, а командир 3-й пулроты тяжело ранен.

Также и сопротивление пулеметов, расположенных на переднем крае, могло длиться очень недолго, так как и батальон первой линии был также атакован совершенно внезапно. Его командир капитан Класс сообщает:

«Наконец при все усиливающемся огне я встал и надел сапоги, чтобы посмотреть, что делается справа. Когда я поднялся наверх к выходу на блиндаже, ко мне навстречу бросился один артиллерист и донес, что англичане многочисленными танками прорвали наш фронт и что английская пехота наступает густыми массами. Он видел уже, что англичане проникли к находящемуся в 100 м позади моего командного пункта блиндажу (там был расположен штаб соседнего батальона). Полагая, что парень этот обезумел, спрашиваю его, откуда он пришел. Он пришел из штаба передового батальона и должен был передать донесение артиллерийского офицера для связи лейтенанту Вернер. Если этот человек действительно видел то, о чем говорил, то англичане уже фактически находятся в тылу моего батальона. Только резервной роты, которая была расположена несколько позади, они не могли еще достичь. Я решил несмотря на все еще сильный огонь оставить командный пункт, чтобы пойти к какой-либо из частей широко растянутого батальона и принять личное участие в бою. Кругом стоял туман, так что в 10 шагах ничего нельзя было видеть. Мы блуждали по местности и наконец пришли к одному занятому нашей резервной ротой блиндажу. Я отдал приказ командиру роты лейтенанту Нивег немедленно занять позицию по направлению противнику. Из соседнего справа полка прибежали люди и донесли, что англичане обошли нас справа и уже находятся в нашем тылу. В конце концов мы пошли назад и наткнулись на одну легкую батарею¹. Орудийного расчета не видать: он сидит в блиндаже. Я приказал моим людям занять позицию

¹ См. подстрочное примечание на стр. 83.

орудиями и вызвал артиллеристов из блиндажа. На мой вопрос, почему не стреляют, они сообщили, что только что мимо них прошло много танков, которые открыли по батарее такой сильный огонь, что они вынуждены искать защиты в блиндаже. Я приказал батарее немедленно открыть. Она открыла огонь, и мы на некоторое время отделались от противника. Но по нам открыли пулеметный огонь сзади, люди уже не могли более двигаться. Некоторые бросили винтовки и начали удирать. Остальные пали, и мы не могли уже повлиять на них, чтобы они остались.

Тогда мы стали отходить дальше и встретили юго-западнее Серизи несколько станковых пулеметов. При них был один офицер, оберлейтенант соседнего полка¹. При его содействии я устроил один пулемет в скате на дороге Серизи-Ламот. Мы имели всего в наличии 4 станковых пулемета; 2 из них мы поставили на позицию западнее дороги, а 2 поставили на дороге или около нее для защиты против танков. В этих пулеметных позициях мы держались 3 часа — с 8.00 до 11.00. Продвигавшиеся вперед немецкие стрелки были нашим огнем остановлены. Тогда они выслали вперед танки. Различными средствами последние были отбиты, однако несколько из них удавалось добираться через наши пулеметные гнезда до дороги, ведя с собой танковые орудия с обоих бортов из пулеметов и малокалиберных пушек. Тогда мы выбрались как можно скорее на скат западнее дороги (местность здесь была довольно крутой) и таким образом избежали охвата. Лейтенант Пипер (адъютант II батальона 55-го полка) бросил с верхнего гребня ската гранату одного танка связку ручных гранат; окутанный дымом танк удрал. Остатки танков мы однако вынуждены были сдать и этот опорный пункт, так как мы расстреляли все наши патроны. Из рядового состава несколько человек, частично раненные, попали к противнику в плен. Храбрый оберлейтенант был ранен в голову. Под огнем неприятельских пулеметов и танков мы выбрались до крутого ската северо-западнее Моркур, который был занят нашими частями. Из моего батальона кроме Пипера при мне не было ни одного человека. Мы отправились к северо-западной окраине Моркур, где надеялись встретить наш штаб полка. Дом был пуст, но англичан еще не было видно. Мы поспешили в Моркур, чтобы выйти к нашему I батальону, который находился восточнее и юго-восточнее этого селения должен был стоять в резерве, в Ганновском лагере. Однако это было невозможно. Сильный огонь противника, который велся по Моркур, принудил нас оставить деревню и идти на север к долине Соммы.

Лейтенант Нивег командир 5-й роты 55-го полка дополняет этот рассказ:

Быстро мы заняли указанную капитаном фон Класс позицию (на ней не было ни одного окопа) и выставили к правому соседу дозор. Неприятельские орудия лежали теперь позади нас. В тумане ничего не было видно. Я приказал без всякой цели открыть огонь из винтовок и пулеметов прямо в туман. По отчетливо слышимому шуму здесь должно было действовать большое количество танков и самолетов. Вскоре доносившийся до сих пор огонь с правой стороны правого соседа совершенно прекратился. Высланные туда разведчики обратно не возвратились. Следовательно противник должно быть продвинулся там дальше и поэтому имел возможность охватить нас с тыла. Я приказал по приказанию капитана фон Класса отход на батарею, которая находилась перед тем вела огонь, был совершен в порядке. Отдельные орудия легкой гаубичной батареи, которые еще не были испорчены, вели без боя огонь настолько только было возможно. Другие батареи, мимо которых мы проходили, были полностью подавлены². Мы прикрывали батарею, имевшая в своем составе еще около 30 человек (один взвод с самого начала был выделен из роты вперед и еще не возвращался в роту), разде-

Оберлейтенант Шпенглер командир I батальона 97-го полка.

Противоречие в сообщениях фон Класса и Нивега (легкие пушки и легкие орудия) является неясным. Вероятно здесь идет речь о 7-й батарее 43-го полка легкой артиллерии, которая имела 6 орудий и стояла на позиции в двух группах. Так как здесь стояла лишь эта батарея, то вероятно под этими батареями, мимо которых мы проходили, необходимо подразумевать из групп 7-й батареи.

дилась пополам при одном ручном пулемете в каждой группе и заняла позицию справа и слева. Местами стали теперь появляться плоские шлемы австралийцев, по которым тотчас же открылся огонь. Орудия стреляли на близкие дистанции. Повсюду слышно было гудение танков; неприятельские летчики достаточно вредили нам своими бомбами. Вдруг с тыла по нашим рядам открылся огонь орудий одного танка, который под прикрытием тумана проник в лежавшую непосредственно позади нас ложину и положил конец обороне».

Часть роты отошла на Бригадное ребро, где она еще раз пыталась взяться за оружие, другие группы пришли в 3-ю и 4-ю роты 97-го полка, а находившийся на правом фланге лейтенант Бальцер встретил группу Шпенглера — фон Класа и ввязался здесь в последний, отчаянный бой, который он провел до своего печального конца, когда был взят в плен.

Точных сведений о бое остальных частей II батальона 55-го полка не имеется, однако установлено, что 7-я и 8-я роты вблизи своего исходного положения открыли огонь в туман. Но так как они не могли установить связь с соседями справа или слева, они сделались жертвой охвата, не будучи в состоянии задержать противника на долгое время.

На среднем полковом участке (13-й пехполк) судьба готовила переднему батальону такую же участь. В то время как 3 передовые роты, внезапно атакованные пехотой противника с фронта, в лучшем случае перешли лишь к короткой контратаке, танкам удалось главным образом с севера прорваться до главной линии сопротивления. Командир 12-й роты был сразу же убит. Из офицеров III батальона возвратились лишь адъютант, лейтенант Гросс и офицер минометной роты лейтенант Кра. Первый сообщает:

«От передовых рот не поступало никаких донесений. Во время урагана огня мы вынуждены были оставаться в своих убежищах. Когда огонь несколько ослаб, я взял еще одну ракету и пустил ее. Затем я написал донесение, которое должно было быть послано с посыльной собакой в штаб полка. Теперь я услышал, что пулеметные гнезда на высоте командного пункта командира батальона открыли огонь. По пути к офицерскому блиндажу я был внезапно застигнут группой австралийцев с пистолетами в руках. Мне ничего более не оставалось делать, как подчиниться их приказанию. С меня сняли снаряжение, и каждый взял себе из него по «сувениру»; затем меня стащили за ворот и приказали вести в направлении на наши тыловые позиции. Однако я решил ввести этих парней в заблуждение. Между тем их внимание отвлечлось, так как в убежищах было обнаружено еще несколько немцев. Тогда я стремглав бросился бежать в направлении на главную линию сопротивления, которую я счастливо и перешел. II батальон уже занял главную позицию сопротивления и был готов к открытию огня. Я оставил командира батальона в момент, когда лейтенант Шмидт (7-й роты) докладывал, что противник ворвался в главную линию сопротивления».

Вклинение противника в главную линию сопротивления последовало около 6.00, однако командир 5-й роты 13-го полка лейтенант Шмидт считает, что первое появление австралийцев перед этой линией было уже сразу после 5.30. Повидимому расположенные на переднем крае части все же достаточно подготовились, чтобы остановить противника. Этот офицер сообщает:

«Теперь непосредственно позади нас появились танки, которые обошли нас справа и слева. Вся местность была настолько покрыта туманом, что на 300 метров ничего нельзя было видеть. Это было для нас наибольшее зло. Где бы ни появилось, мы по этому и открывали огонь, однако вся стрельба была напрасна: танки безжалостно продвигались вперед».

Лейтенант Гросс между тем прибыл в штаб полка. Прежде чем последний успел отдать дальнейшие распоряжения:

«мы уже услышали,— рассказывает адъютант полка лейтенант Штрук,— в долине, позади командного пункта, англичан, подошедших справа. Возвращаясь назад, мы встретились с ними в лесу Регимент на расстоянии 5 м. Будучи обстреляны огнем ручных пулеметов, мы сразу же бросились на них. Временно командовавший полком майор Нейман был тяжело ранен, я получил пулю в мякоть бедра».

Командира полка вынести не удалось. Адъютант смог отойти. Этот эпизод разыгрался около 6.30 и с такой быстротой, что прочие офицеры и солдаты штаба вообще ничего не заметили. Начальник связи лейтенант Вестфаль сообщает:

«Мы сожгли еще карты, чертежи и пр. и, как только прояснилось, пустили почтовых голубей. Лейтенант Яегер попытался еще собрать остатки штаба и прочих отдельных людей, прибывавших спереди, и организовать оборону на окраине долины, в которой штаб лежал. Сначала возле нас появились танки, а за ними и временами также между ними — пехота с ручными пулеметами...

Неприятельское огневое окаймление восточнее командного пункта ложилось очень удачно. Как только я захотел сюда продвинуться, я тут же был ранен. Когда меня позднее несли через передовую линию, я видел стоявших передо мной несколько танков, неспособных к действию. Во всяком случае противник понес большие потери убитыми, а на английском перевязочном пункте, на высоте наших первых позиций, я видел очень много раненых солдат противника. Мне здесь не могли сделать перевязку и сделали ее лишь на следующем, далеко позади находившемся перевязочном пункте, поблизости от которого стреляли отдельные германские орудия».

Итак в 6.30 был почти полностью разбит и ударный батальон; лишь немногие бойцы обоих батальонов возвратились обратно, а из штаба II батальона вернулись командир с адъютантом и начальник связи. Командир 2-й пульроты был убит.

Батальоном первого эшелона на левом полковом участке (15-й пехполк) командовал особенно испытанный в боях поручик Бергауз. По его показаниям, дополненным артиллерийским офицером для связи 58-го полка легкой артиллерии лейтенантом Лиманом, по обеим передовым ротам и пулеметным гнездам, находившимся между укрепленными местными предметами и позицией сопротивления боевого охранения (2-я пульрота), велся очень сильный огонь из орудий малых и средних калибров, в то время как по указанной позиции велся огонь более слабый. С нашей стороны был открыт умеренный огонь, чтобы, постепенно ослабевая, совсем замолкнуть. Также и здесь, на этих высоких точках местности, туман позволял наблюдать не далее, чем на 5 м. Так как впереди был слышен огонь лишь отдельных пулеметов, видимо обе передовые роты сильного огня для отражения противника вообще не открывали. Незадолго до 6.30 почти одновременно поступили 2 донесения от 4-й и 7-й рот 15-го пехполка, что противник на их участках прорвался через боевое охранение и разбивает свое движение дальше. Затем сразу же стал усиливаться огонь из винтовок и пулеметов, а также участились разрывы ручных гранат, быстро приближаясь к командиру батальона. Несомненно дело дошло до рукопашной схватки и энергичного отражения атаки противника, но не надолго. Около 6.50 сопротивление 7-й, 8-й и 4-й рот было сломлено. Вслед за этим поручик Бергауз поспешил назад к командиру ударного батальона, чтобы побудить I батальон 15-го

пехполка (без 4-й роты) к контрудару. Однако вслед за его прибытием, т. е. сразу же после 7.00, командный пункт командира ударного батальона был из-за правого фланга атакован в тыл.

Командир ударного батальона капитан Занде сразу же был ранен и свалился.

«С немногими частично ранеными, но оставшимися в живых мы залегли в 50 шагах позади командира батальона, открыли огонь и попытались снова добраться до командного пункта. Однако противник уже успел выставить свои ручные пулеметы, и это стало невозможным. Тогда мы хотели вызвать 1-ю роту, но противник уже закрепился между нами и этим последним резервом, так что мы вынуждены были отойти на юго-восток» (донесение поручика Бергауза).

Наверное 1-я рота 15-го полка была еще раньше подавлена с севера, так как уже в 6.20 австралийцы внезапно проникли из-за правого фланга в тыл 5-й батареи 58-го полка легкой артиллерии и так быстро, что последняя не имела даже времени уничтожить свои орудия. Вся батарея была целиком захвачена в плен. Из II батальона 15-го полка возвратились назад всего 3 офицера и 20 солдат, из I батальона того же полка — немногим больше. Удивительным является то, что оба батальона не доносили о танковой атаке. Еще до этого штаб полка был выведен из боя.

Теперь противник имел возможность без боя преодолеть последнюю часть местности до достижения им своей первой цели атаки, ибо до самого гребня Гербер-Назе стояло лишь несколько пулеметов XXII отдельного пулеметного дивизиона, которые были просто обойдены. Сейчас должна была наступить длительная пауза, так как противник предусматривал по достижении своей первой цели сделать двухчасовую остановку. Для артиллерии, которая за исключением 5-й батареи 58-го полка легкой артиллерии еще не была захвачена противником¹, долго не рассеивавшийся туман сыграл роковую роль. Она еще не подозревала, на каком рубеже находятся передовые неприятельские части, так как по неясным сведениям, которые принесли с собой пришедшие с фронта пехотинцы, она не могла составить себе верной картины об обстановке. Где еще имелись пригодные для боя орудия, там из них велся огонь с максимальной быстротой, однако, как например 1-я батарея 58-го полка легкой артиллерии, на очень больших дистанциях (с 7.30 по переднему краю). В то время вообще вели еще огонь лишь 10 легких и 8 тяжелых орудий. Все остальные вышли из строя. Уже теперь потеря всей артиллерии была неизбежной, если до 9.20 (время начала дальнейшего продвижения австралийцев) не подспевают батальоны, стоявшие на отдыхе. Они не пришли! Когда противник со свежей пехотой в еще большем количестве танков пошел вперед для достижения своей второй цели, батарея одна за другой попали в его руки. В 10.15 противник достиг мортирной батареи, орудия которой в надежде на контратаку не были испорчены. Одновременно противник занял Моркур.

Находившийся в Моркуре штаб 26-й пехбригады получил первые достоверные сведения об угрожающе быстром продвижении противника лишь в 7.45. Однако, так как уже в течение 45 мин. вся связь в

¹ Действия артгруппы у Ламот (7-я, 3-я и 6-я батареи 58-го полка легкой артиллерии и 2-я батарея 151-го полка тяжелой артиллерии), будут изложены дальше при описании действий 41-й пехдивизии.

тыл была разрушена, он оставался пребывать в полном неведении о том, были ли какие-либо распоряжения со стороны дивизии относительно введения в дело стоявших на отдыхе батальонов и прочих пригодных для этого резервов. От себя же он не мог так быстро достичь этих частей за исключением I батальона 55-го полка, стоявшего лагерем в овраге Ромер около 500 м юго-восточнее Моркур и уже в 6.30 поднятого по тревоге. К несчастью только в прошедшую ночь командир дивизии ушел в отпуск и командир бригады должен был вступить в командование всей дивизией. Теперь он передал командование бригадой, $\frac{2}{3}$ которой было уже втянуто в бой, случайно явившемуся к нему около 8.00 командиру 55-го полка и выехал вместе с ним из Моркур в направлении на Мерикур, чтобы как можно скорее установить связь со штабом дивизии. I батальон получил приказ сначала занять скат восточнее оврага Ромер. Но так как этот скат был уже под сильным обстрелом, а неприятельская воздушная эскадрилья в составе 30—40 самолетов бросалась на каждое передвижение германских войск, I батальон мог занять указанную позицию лишь около 9.30—9.45 (позиция показана на карте 2). За 10 мин. до этого противник начал свое дальнейшее продвижение с рубежа первой цели; поэтому прошло немного времени до появления его первых танков и пехотных волн на высоте западнее оврага Ромер. Как выше указано, теперь вновь введенная в дело 4-я австралийская дивизия повела атаку между Сюммой и Римской дорогой (включительно). Ей было придано не менее 30 танков и кроме того бригада легкой артиллерии, батареи которой уже с 9.45 выдвинулись на Бригадное ребро и в районе к югу от Серизи. Хотя часть этой артиллерии сопровождения и могла быть обстреляна действительным огнем батареи с северного берега Соммы (стр. 55—56), все же при наличии неприятельского превосходства в пехоте, танках и авиации от I батальона 55-го полка нельзя было ожидать длительного сопротивления. Влево на большое расстояние не видно было ни одного германского солдата, а позади жидкого фронта не было ни одного орудия, ни одного миномета и ни одного станкового пулемета. Все же огневой бой начался незадолго до 10.00 с надеждой на успех, 4-я рота подбила один неприятельский самолет; продвигавшаяся с фронта австралийская пехота заметно замедлила свой спуск в овраг, который казалось и для танков был неудобен. Однако четыре этих чудовища весьма быстро несколько южнее пересекли овраг и направились с следовавшими за ними сильными пехотными волнами в охват левого фланга батальона.

В это время с северо-востока подошла пехотная поддержка; это был III батальон 15-го полка, который, будучи штабом дивизии в своем лагере восточнее Мерикур, поднят по тревоге и направлен к оврагу Ромер, около 9.00 встретил командира дивизии, от коего получил приказ занять и удерживать высоту южнее Моркур. Однако это уже было слишком поздно. Командир батальона капитан Бэм развернул свой батальон с высот в 1 км южнее Мерикур с целью занять ребра восточнее оврага Ромер, не зная еще, где позиция I батальона 55-го полка. Батальон 15-го полка должен был также пройти через полосу неприятельского артиллерийского огня и был атакован сильной авиацией противника. Около 10.00 батальон вступил в бой, развернувшись слабыми силами правее и главными силами восточнее I батальона 55-го полка.

Наступавшие все еще в большом количестве танки, подошедшие из леса, что севернее Римской дороги, тотчас же повернули еще далее на восток, чтобы и этому удлинненному фронту выйти во фланг и тыл. Одновременно танки пошли в атаку и из Моркур. Что пользы в том, что атакующие с фронта австралийцы были остановлены? Оба фланга I батальона 55-го полка и III батальона 15-го полка все глубже охватывались танками и следовавшей за ними пехотой. Около 11.00 положение уже сделалось безнадежным, дальнейшее упорное сопротивление с фронта не могло воспрепятствовать окружению, а когда вслед за этим фронт на обоих флангах начал трещать, отвести батальоны в порядке назад было уже поздно. Подкрепления не подходили, артиллерийская поддержка отсутствовала. Издерганные непрерывными воздушными атаками, преследуемые огнем неприятельской пехоты, пулеметов и танками отдельные группы, успевшие еще отойти, рассеялись, а значительная часть после полного окружения вынуждена была сложить оружие. Около 11.30 и этот бой был закончен, противник своевременно достиг своей второй цели атаки.

Снова батареи, стоявшие на северном берегу Соммы, особенно 4-я, 1-я и 7-я батареи 243-го полка легкой артиллерии, обрушились своим огнем на противника, который теперь обошел уже слева их позиции. 4-я батарея подбила 2 танка восточнее Моркур и открыла огонь по батарее, выдвинувшейся на восточный фронт оврага Ромер (юго-восточнее Моркур). 7-я батарея выбросила одно орудие через Мерикур на южный берег Соммы. Отходивший как раз через Мерикур, вышедший из боя между Серизи и Морикур лейтенант 3-й роты 97-го полка Имиг сообщает:

«По прибытии в Мерикур лейтенант 7-й батареи 243-го полка легкой артиллерии Шроер попросил у меня прикрытия, так как он хотел пройти через деревню, чтобы подбить один танк, проходивший мимо, около 1 000 м южнее. Орудие вышло на позицию на южной окраине; один унтерофицер направил орудие и открыл огонь; 2 снаряда упали возле самого танка, третий попал прямо в него. Чудовище окуталось дымом и огнем».

Следствием этого препятствия, созданного противнику с севера, было то, что он не придавал уже больше значения движению на Мерикур, а стал пытаться свою третью цель — выс. 84 северо-западнее Прояр — атаковать с юго-запада. Это должно было ему удастся тем более легко, что в районе 13-й пехдивизии уже не было никаких остатков резервов, чтобы выдвинуть заслон от охвата со стороны Римской дороги. Из еще имевшихся резервов прежде всего группа связи дивизии¹ по получении первых катастрофических сведений самостоятельно выдвинулась вперед, чтобы занять важнейший пункт на всей местности — выс. 84. С собой она взяла один легкий миномет. Потом также и I батальон 13-го полка был направлен штабом дивизии для занятия этой высоты. Около 9.45 группы расположились в старых окопах, на высоте и севернее ее. Левее них около 10.30 подошел II батальон 203-го полка и занял ребро южнее выс. 84 почти до дороги Прояр — Моркур. Он

¹ Состояла из неиспользованных к тому времени радистов, светосигнальщиков и вожakov собак пехотных полков, всего около 40—50 человек.

² Ударная часть 13-й пехдивизии, до сего времени стоявшая в лагере Вогезен северо-западнее Прояр.

нако дальше по направлению к Римской дороге никаких германских частей нигде больше не было.

Командир группы связи лейтенант Гаупт сообщает:

«Когда туман рассеялся, перед нами открылась ужасающая картина. Пошедшим с запада дорогам, особенно по Римской дороге, двигалась сильная неприятельская пехота, частично в колоннах, по отделениям. На Бригандное ребро открыто выехала артиллерия. Никаких признаков германского сопротивления не было видно. Около полудня против нашей высоты развернулась тонкая стрелковая линия англичан. Лишь когда она приблизилась на 300 м, я приказал открыть огонь. Полностью захваченный врасплох противник понес значительные потери и тотчас же отошел назад. Огромные массы войск, а за ними сзади танковые группы, артиллерия, конница и автогрузовые колонны медленно продвигались вперед. Между тем подошел стоявший на отдыхе I батальон 13-го полка.

Так как по непонятным причинам англичане не открыли огня по высоте и не продолжали наступления, в то же время благодаря отсутствию всякого артиллерийского воздействия со стороны германцев они все более открыто стали двигаться, а мы не имели совершенно никакой связи в тыл, я решил попытаться вызвать артиллерию. Случайно я обнаружил 9-ю батарею 43-го рез. полка легкой артиллерии. Весьма энергичный командир батареи объяснил, что он готов поспешить к нам на помощь, и скрытно выехал на позицию на скат восточнее выс. 84, поместив свой наблюдательный пункт на нашей высоте. Действие первых гранат по марширующим английским колоннам, особенно на Римской дороге, было исключительным. При первом огневом нападении обстрелянные части валились на дороге буквально рядами. Этими блестящими действиями батареи следует объяснить то обстоятельство, что противник приостановил все свои действия и настроение моих людей сильно повысилось. В этот промежуток времени с фронта подошло еще несколько оставших. Люди были в большинстве случаев еще дисциплинированными и охотно присоединялись ко мне идти к I батальону 13-го полка. После того как противник при помощи своих многочисленных самолетов, которые в течение долгого времени обстреливали нас из пулеметов и разбрасывали бомбы, выяснил протяжение наших позиций, он перешел в атаку. Впереди двигались 3 тяжелых танков, которые своими пулеметами и пушками сковали нас.

Вероятно батарея, о которой здесь идет речь, есть 9-я батарея 243-го полка легкой артиллерии, которая однако выехала открыто на высоту. Ее командир лейтенант Борхарт сообщает:

Внезапно туман рассеялся, как будто кто-то дул его, и в этот момент стало видно движение танков также из оврага Ромер. Это был момент, которого я никогда не забуду. Я указал командирам орудий цели и т. д. и приказал открыть по танкам огонь. Вплотную за танками двигалась английская пехота. Всякий раз, когда мы попадали в танк, англичане рассыпались, и одно орудие батареи открывало по ним шрапнельный огонь. В горячке боя мы мало думали о возможности быть пораженными английской артиллерией или авиацией, хотя конечно наша батарея уже несла потери. Мы наверняка подбили 4 танка, а результаты нашего огня по трем или четырем прочим обстрелянным танкам не были ясно определены; они скрылись в лождину и больше не обнаруживались. Около 13.00 (точное время я не помню) я и один чрезвычайно энергичный офицер лейтенант Шульц заметили, что так называемые малые танки повернули на Прояр. Шульц крикнул мне: «Г. Борхарт, теперь мы должны отходить, иначе пропадут передки и мы потеряем батарею». Я согласился, тем более что танки и английская пехота подошли уже угрожающе близко и нельзя было допустить пленения батареи. Я подал знак передкам, находившимся со мною в зрительной связи, и приказал орудиям сниматься с позиции. Если нас до этого времени, как было указано, сравнительно слабо беспокоили, то теперь перед батареей появилось сразу 20—25 самолетов, которые открыли огонь из пулеметов между батареей и отходившими автомобилями и причинили большие потери. Однако благодаря дисциплинированности батареи, хотя офицерам и пришлось со всей энергией подавить панику, все же удалось